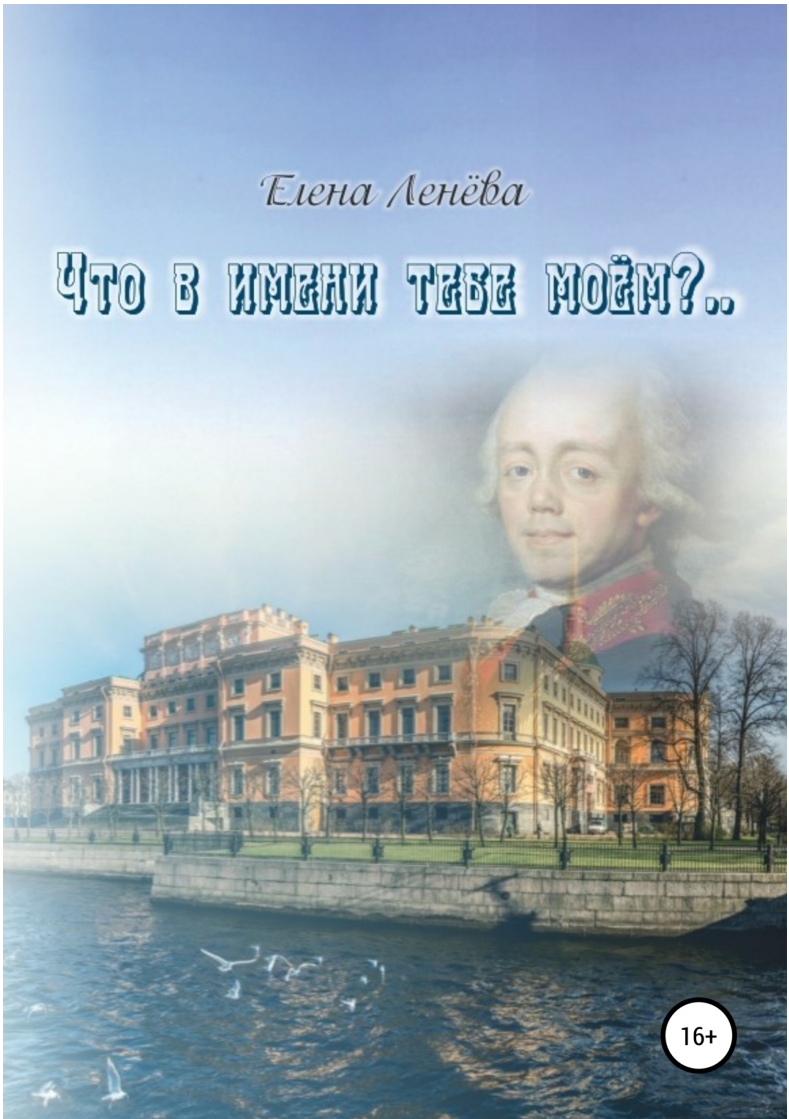
Елена Ленёва

Что в имени тебе моём?..



16+

Елена Васильевна Ленёва
Что в имени тебе моем?..

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431557
SelfPub; 2021

Аннотация

Второй роман из серии «Расследования частного сыщика Максима Омского». Детектив с двумя загадками и подсказкой. Москвичка Рита просыпается в чужом доме на Корсике, где все принимают ее за другую, похожую на нее женщину по имени Алиса. Мистическое стечение обстоятельств? Или тщательно разработанный план по замене женщин? В Москве убивают профессора истории Виктора Сидельникова. Кому мог помешать талантливый ученый? Подсказка из прошлого поможет разгадать загадки. На рубеже XVIII-XIX веков был убит Павел Первый – незаслуженно забытый, непонятый своими подданными великий русский государь. Придворный писатель Август фон Коцебу описывает в своем дневнике события, предшествующие этой трагедии.

Содержание

Первая Загадка. Наши дни 5
Первая Подсказка. На рубеже веков. Декабрь 1800 года 14
Вторая Загадка. Наши дни. Москва 26
Поиск Отгадки. Наши дни. Корсика 40
Снова Подсказка. На рубеже веков. Декабрь 1800 года 53
Поиск Отгадки. Первая Попытка. Наши дни. Москва 62
Поиск Отгадки. Причудливая логика Абсурда. Наши дни. Корсика 89
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Елена Ленёва
Что в имени тебе моем?..

Если мы знаем в себе что реальное,
то это есть наше собственное имя.
П. Флоренский

Первая Загадка. Наши дни

Тук. Тук. Тук. Барабанит дождь… Ш-ш-э-х. Струится в темноте вода.

У-у-у-х. Поет ветер, и в такт ему вторят деревья.

Дождь то затихает на мгновение, то возвращается и с новой силой обрушивается на деревянные оконные ставни.

Музыка стихии разбудила женщину. Вот уже несколько минут она прислушивается к этим звукам. Она любит такую погоду: когда дождь и ветер. Когда хочется кричать вдогонку ветру. Когда невозможно предугадать… Но сейчас все по-другому. Женщина чувствует себя непривычно. Что-то не так. Она беспокоится. Боится пошевелиться. Чего бояться? Стихия там, далеко, за окном. А здесь, внутри помещения, тихо и спокойно.

«Где я? Что со мной?» – думает женщина. И отчего-то в памяти выплывают строки: «Как ветер мокрый, ты бьешься в ставни, как ветер черный, поешь: ты мой! Я древний хаос, я друг твой давний, твой друг единый, – открой, открой!»[1] На самом деле, это стихи не о ветре, а о Любви или… Нелюбви. Но женщина вспомнила эти строки потому, что ветер… и потому, что ставни.

Наконец решилась открыть глаза. Полумрак. Постепенно

---

[1] [1] Отрывок из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Нелюбовь».

привыкнув к темноте, она начала различать очертания предметов, мебели. Пространство представилось ей в полосочку: то ли лунный свет, то ли фонари во дворе отражались сквозь решетки ставен и складывались в узор из чуть изогнутых параллельных линий.

Женщина вновь спросила себя: «Где я? Что это за место? Почему я здесь?» и от напряжения (в голове никак не складывался ответ) застонала и шумно вздохнула. И тут же в комнате началось движение, тени от решетчатых ставен ожили, преломились в полутемном пространстве в причудливую фигуру и приблизились к ней. Потом зажегся неяркий свет – лампа на прикроватной тумбочке, – и сквозь приоткрытые веки она увидела склонившееся над ней лицо пожилой женщины. Лицо очень хорошее, доброе, морщинистое.

– Милая моя… Очнулась? Ma petite fille[2], – заговорила та, – ну и хорошо. Сейчас позову Андрея Сергеича, – сказала она и грациозно, что никак не вязалось с ее возрастом, пошла в другой конец комнаты; отворив дверь, негромко позвала: – Андре… Идите скорее сюда. Алиса пришла в себя.

«Алиса? Кто такая Алиса? Разве я здесь не одна?» – думала женщина и следила взглядом за старушкой. Той было лет семьдесят пять, старухой назвать ее язык не поднимался. Скорее, бабушка, бабулька. Она снова подошла к женщине, дотронулась до ее щеки нежной своей рукой и тихонько ска-

---

[2] [2] Моя маленькая девочка (франц.).

зала: «Tout vas bien, ma chérie[3]. Все будет хорошо, милая… Теперь все будет хорошо».

Шаги на лестнице. Все ближе. Кто-то спешит. И вот в проеме двери появляется мужчина. Подходит к кровати, где лежит женщина, на мгновение останавливается, а потом опускается на колени, берет ее руку и начинает покрывать поцелуями. «Я знал, знал, что все будет хорошо… Alice, mon cœur[4], радость моя, как же ты нас напугала», – он шепчет нежные слова, мешая русские и французские фразы (от чего женщина приходит в еще большее смятение), продолжает целовать ее руки и прячет глаза, мокрые от слез.

– Вы кто? И кто такая Алиса? – спрашивает она. Но, вероятно, ни мужчина, ни старушка не расслышали ее слов.

– Молчи. Молчи. Тебе трудно говорить. Я знаю. Доктор сказал, что речь восстановится постепенно.

– Нет, мне не трудно, – медленно, но уверенно проговорила женщина, – скажите мне, где я нахожусь?

– Дома. Ты дома, – ответил мужчина, – ни о чем не беспокойся.

– Дома? Но это совсем не *мой* дом, – возразила, – что со мной? Кто такая Алиса? – повторила она нервно.

Мужчина замер. Оторвался от ее рук, переглянулся с пожилой женщиной, удивленно вскинул брови:

– У тебя шок, ma chérie. Не нужно волноваться. Все пло-

---

[3] 1 Все будет хорошо, моя дорогая (франц.).

[4] 2 Алис, сердце мое (франц.).

хое осталось позади.

Она приподнялась на локтях. Мужчина заботливо поддержал ее голову и помог положить под спину дополнительную подушку. Умиротворенность, которую она ощущала несколько минут назад, слушая струящиеся в темноте звуки за окном, улетучилась. Вновь заболела голова. В висках застучало. Вокруг головы образовался обруч из боли. И она услышала себя, как будто со стороны:

– Меня зовут Рита. Рита, понимаете? Я не Алиса!

Потом поняла, что она не произнесла эту фразу вслух, а только подумала. И заставила себя четко и убедительно выговорить:

– Я Рита! Меня зо-вут Рита. А не Алиса! Пре-кра-тите меня называть чужим именем!

В комнате стало тихо. Только дождь стучал в окно, и ревел ветер (редкая непогода для августа). Потом ударил гром, все вздрогнули, а старушка вдруг заплакала. Этот гром и тихий плач вобрали в себя тишину. Пожилая женщина никак не могла успокоиться, все всхлипывала, утирала платочком глаза и как-то трогательно посетовала:

– Да что же это… Да как же это… Она, бедная, не в себе. Андрей Сергеич, что же делать-то?

– Аля, пожалуйста, не пугай нас, – он нежно посмотрел в глаза женщине, – видимо, ты увидела нехороший сон.

Женщина была слаба, да. Но с головой-то у нее все в порядке! Она взглянула на мужчину и, не отрывая взгляд, рас-

качиваясь из стороны в сторону, вновь очень четко произнесла:

– Не надо меня уговаривать. Я не сумасшедшая. Вам не удастся убедить меня в этом.

– В чем убедить? Давай сначала успокоимся. Мы ни в чем тебя не убеждаем. Зачем? Мы просто рады, что ты пришла в себя, очнулась…

– Вы называете меня Алисой… Почему?

– Потому что так тебя зовут.

– Меня? Так зовут? Это вы не в себе. Вы – ненормальные. Чего вы от меня хотите? И зачем вы заперли меня здесь?

– Мы… заперли? О чем ты?

– Ну, хорошо, пусть не заперли. Но почему я здесь?

– Как почему? Это твой дом…

– Прекратите нести чепуху, – тихо, но твердо сказала она.

Голова раскалывалась, но ей необходимо разрешить эту проблему. Пусть скажут все как есть. Эти люди, конечно, милые и заботливые, но совсем чужие. Чего они хотят от нее? Почему называют Алисой? Они что, слепые? Не видят, что перед ними другая женщина? Зачем они пугают ее?

– Что вам от меня нужно?

– Чтобы ты успокоилась, родная…

– Я не родная… – прервала она, – то есть я родная, но не для вас…

– А для кого?

– Для моей семьи.

– Но это мы – твоя семья. Мы. Я – твой муж. А это няня. Твоя няня – мадам Дюбуа. Но здесь, в доме, мы называем ее по-русски – Елизавета Петровна.

– У-у-у, – обхватила она руками голову, – прекратите. У меня нет мужа. И няни никогда не было. Ни русской, ни Дюбуа. Меня зовут Рита. Маргарита. И паспорт у меня есть. Российский паспорт. Там четко прописано мое имя.

Мужчина резко поднялся и что-то шепнул пожилой женщине. Та кивнула и вышла – поплыла как корабль – из комнаты.

– Успокойся. Сейчас придет доктор.

– А, ну да. Теперь еще и доктор! Психиатр, наверное. Значит, считаете, что я сумасшедшая…

– Нет, что ты… Это все травма. Ты долго была без сознания. Вернее, не совсем без сознания, а в какой-то прострации. Главное, что ты жива, и… все на месте. Ну, а сознание… – он трогательно улыбнулся, – это ничего, все придет в норму.

Риту (так, во всяком случае, она себя называла) охватила тревога. Она смотрела на этого человека и ничего не понимала. Нормальный мужчина. Даже очень привлекательный. У него хорошие глаза (цвет глаз она пока не определила, лампа искажала: то ли коричневые, то ли зеленые). Темные волосы с проседью и мягкие нежные губы. Когда он покрывал поцелуями ее руки, ей было отнюдь не неприятно. В другое время она обязательно обратила бы на него внимание. Он не

похож на идиота. Почему же он ведет себя как идиот? Не видит, что перед ним не жена, а другая женщина? Или это просто шутка? Но какая-то дурацкая шутка. И эта… няня. Такое впечатление, что она знает Риту (то есть Алису… то есть Риту… она запуталась) давно. Она тоже не похожа на ненормальную. Значит, они ей врут. Но зачем? И что это за манера разговаривать, как будто они живут в девятнадцатом веке? И почему вперемешку с французскими фразами? Непривычно как-то.

Няня вновь зашла в комнату, зажгла большой свет («Нет, не коричневые и не зеленые, а темно-серые, – отметила про себя Рита, – глаза бездонные…») и положила перед нею фотоальбом, приговаривая: «Вот, голубушка, посмотри. Здесь твои фото: ты маленькая и постарше. И свадебные снимки есть».

Рита сначала испугалась. А потом обрадовалась: «Сейчас, наконец, они увидят, что я – совсем другая женщина». Она взяла в руки альбом, мельком заметила, что на обложке – тоже кошки («тоже» – потому что похожая картинка на *ее* домашнем фотоальбоме). Обрадовалась, что альбом… из настоящего времени, что она не попала в другую реальность, и открыла первую страницу.

А дальше… Мимолетная радость сменилась удивлением, потом растерянностью и, наконец, паникой. Она увидела себя! Совсем маленькую девочку, постарше, подростка, вместе с какими-то другими детьми, людьми, которых она не знала

(или не помнила). Вот дети (и она вместе с ними) смеются и играют в игры. Вот – в школьной форме. За партой. Себя – такую – она помнила. Но у нее никогда не было подобных фотографий! Это не ее школьная форма! Не ее парта! А потом – о, ужас! – она увидела себя в… платье невесты. Это ее свадьба. И с кем? С ним! С этим Андреем Сергеевичем! Андре! На этой свадебной фотографии она «застряла»: не могла отвести взгляд. И почувствовала, что теряет сознание. Все поплыло. Ей стало страшно. Этого не может быть.

Но снимки говорили: это ее жизнь!

Одно из двух: или эти люди зачем-то обманывают ее и тогда все эти фотографии – монтаж, или… она не та, за кого себя выдает. Вернее, кем себя считает. «Значит, я – Алиса? Мне нравится это имя. Но оно мне ни о чем не говорит. Разве что о Стране Чудес… Или Зазеркалье… Может, у меня раздвоение личности? Тогда я должна помнить и то, что было с Ритой, и то, что было с Алисой. Но на этих снимках я никого не узнаю».

Она отругала себя за то, что усомнилась в своем здравом рассудке. Нет, она – Рита. Родилась почти сорок лет назад в Москве. Так во всяком случае было написано в свидетельстве о рождении. Но позже семья уехала из шумной столицы в Подмосковье. И с тех пор они жили в Одинцово. Она уточнила: живут, а не жили. Училась в столичном университете – филолог, переводчик французского и немецкого. Родители Риты – простые люди. Мама – медицинская сестра, отец

– водитель. Папы уже нет. Он погиб пятнадцать лет назад. Это было трудное время, папа старался заработать денег для своих девочек, согласился на длительную командировку куда-то аж за Урал. До сих пор они не знают, что же такое приключилось в дороге, отчего произошла та страшная авария. Позже сказали, что грузовик был неисправен… Но мама жива, слава Богу. Мама, мамочка, где ты? Скажи, что со мной?

Сколько времени прошло, пока она рассматривала альбом? Пять, десять минут? Она собралась с мыслями и хотела уже заявить этим людям, что все происходящее здесь – чудовищная ошибка, как случилось следующее событие, которое повергло ее в совершенное оцепенение. Она услышала шум на лестнице и детский голос. С удивлением подняла глаза в сторону двери: что случилось? И, наконец, ребенок – мальчик лет четырех-пяти – забежал в комнату и с криками: «Мама, мамочка проснулась» бросился ей на шею и с такой любовью начал поглаживать ее волосы, заглядывать в глаза и прислоняться нежными щечками к ее лицу, что Рита заплакала.

«Это *мой* ребенок?» И потеряла сознание.

Первая Подсказка. На рубеже веков. Декабрь 1800 года

Этим декабрьским утром Август фон Коцебу собирался подольше понежиться в постели (вчера вечером он вдохновенно сочинял свою новую пьесу; сжег не одну свечу – не до экономии, когда посещает Муза, – поэтому лег спать уже далеко за полночь), но в восемь часов утра (эка срочность!) его побеспокоил слуга: граф Пален прислал приказание немедленно явиться к нему. Август забеспокоился. Что еще такого могло случиться? Неужто опять предъявят ему нелепые обвинения в заговоре или каких других смертных грехах?

Полгода назад, в конце мая, как только Коцебу пересек русскую границу (Август, женатый на подданной Российской империи – лифляндской дворянке, – по желанию жены и для свидания с детьми от первого брака решил оставить на время свой родной Веймар и предпринять путешествие в Санкт-Петербург), он был арестован, заподозрен в тайных связях с якобинцами и препровожден в Тобольск, а оттуда в Курган. К счастью, ссылка его длилась недолго, и уже через месяц с небольшим по Высочайшему повелению он был выписан обратно в Петербург.

То ли император прочел пьесу Коцебу «Лейб-кучер Петра III», которую нашел превосходною, то ли ознакомился с дру-

гими многочисленными его творениями, в коих автор неизменно и искренне восторгался Россией (десять лет назад Август Коцебу приехал в страну по указанию прусского посланника при русском дворе и отслужил по всем правилам шесть лет сначала помощником по дирекции существовавшего в Петербурге немецкого театра, потом асессором[5] апелляционного суда и позже президентом Ревельского магистрата), то ли, действительно, император убедился в нелепости своих Высочайших подозрений, но так или иначе Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу через месяц вернулся из Сибири в столицу. И государь в срочном порядке даже вознаградил его щедрыми милостями за недоразумение, жертвою которого тот стал.

Немецкому писателю было дарено поместье в Лифляндии, положено значительное содержание и – кто бы мог мечтать! – делегирована дирекция Немецкого театра в Петербурге. Кроме того, ему давались различные поручения литературного свойства, одним из которых было составление *подробнейшего описания Михайловского замка*.

Август считал Павла великим императором. Он имел возможность наблюдать за становлением наследника престола и за тем, как бесконечно обострялись его отношения с матерью. Особенно они осложнились после бунта этого русского

---

[5] [1] Должностное лицо, облеченное судебной властью. В Российской империи – должность, соответствующая Восьмому классу в Табели о рангах (коллежский асессор).

медведя Емельяна Пугачева. Тот так прямо и заявил, что, мол, после победы над правительством Екатерины царствовать не желает и хлопочет только в пользу Павла Петровича. Царица, и до того не пылавшая любовию к своему сыну, совсем рассвирепела. Говорят, услышав эти слова от Пугачева, она уничтожила свое письменное обязательство, данное в преддверии венчания на царство, о передаче короны Павлу по достижении им совершеннолетия. Не хотела Екатерина поступаться полнотой своей власти и делиться ею! Оно и понятно: для нее цесаревич был нежеланным сыном, рожденным в угоду политике и государственным интересам.

Да и откуда же взяться материнской любви, ежели сразу после рождения забрала от матери наследника престола императрица Елизавета Петровна и отдала на воспитание многочисленным нянюшкам и дворцовым приживалкам. А после крещения Павла его матери выдали сто тысяч рублей, тем самым подтвердив, что роль ее на этом закончилась. Не секретом был и брульон Екатерины, в котором писала она о своих страданиях: как только спеленали ребенка, явился по приказанию императрицы духовник ея, нарек ему имя Павла и унес с собою. А мать осталась на родильной постели, в одиночестве, беспрерывно плача и невыразимо страдая. И впоследствии она видела сына редко, только с разрешения Елизаветы Петровны.

Да, Павел Петрович был законным, но нелюбимым сыном государыни. После смерти отца – Петра Третьего, внука Пет-

ра Великого, он, как единственный наследник, должен был занять престол с учреждением регентства, но этого не случилось.

Ох, сильна была матушка Екатерина! Ох, сильна! Ни с кем не хотела делиться властью!

Август понимал, что была своя правда у принцессы Софии Августы Фредерики Анхальт Цербской, когда совершала она переворот и пришла к власти, что губительны были для России реформы Петра Федоровича – мужа ее и отца Павла, но все же убийства его (чего уж скрывать, себе самому-то можно признаться, что не своею смертию помер император) не одобрял. Павлу Петровичу тогда восемь лет стукнуло. Уже все осознавал, небось. Затаил обиду на матушку. И за смерть своего отца, и за невнимание к нему, и за слухи, которые, скорее всего, сама же государыня и распространяла: о неуравновешенности и жестокости Павла, о том, что отец его вовсе не Петр, а любовник ея – Салтыков, что он совсем и не сын ей, мол, подложили во время родов другого ребенка.

Август знал, что это только слухи. Невероятное портретное сходство с Петром Федоровичем доказывало, что Павел – законный наследник престола. А в уме и сообразительности государя, его благородстве и добром сердце Коцебу успел убедиться. Да, не всегда император бывал последователен, подчас и несдержан, но разве может это умалить те действительно важные дела, которые успел он за четыре года своего

царствования уже осуществить?!

Государь принял закон о престолонаследии, который покончит, даст бог, с дворцовыми переворотами и женским правлением в России, ввел правила регентства. Он изменил функции Сената и учредил Государственное казначейство и должность казначея, дал возможность купечеству выбирать в коммерц-коллегию[6] членов из своей среды. Император издал Манифест о свободе вероисповедания в Польше для католиков и православных, объявил амнистию сосланным полякам, которые участвовали в восстании (Август Коцебу никогда бы не сделал этого, будь он императором, все равно от польской шляхты благодарности не дождешься, ненавидят шляхтичи русского царя, но Павел – милосердный правитель), разрешил строительство старообрядческих храмов.

Государь улучшил положение крестьян, приняв манифест о трехдневной барщине и запрете работать в выходной день, запретил продавать дворовых людей и крестьян без земли, разделять семьи при продаже, обязал губернаторов следить за отношением помещиков к крестьянам и в случаях жестокого обращения с крепостными докладывать об этом императору. Для своих крестьян он открыл два бесплатных госпиталя, построил несколько бесплатных школ и училищ для крестьянских детей. Павел Петрович строит дороги в деревнях, выдает крестьянам ссуды, возводит церкви. Простой

---

[6] [1] Центральное правительственное учреждение, созданное Петром Первым для покровительства торговли.

люд очень чтит и любит государя, и немец Август знает это.

А вот позиции дворянства император ослабил. И поделом! Отменил статью Жалованной грамоты[7], запрещавшую применять телесные наказания к дворянскому сословию, обязал дворян платить налог для содержания местного самоуправления и подать «с души». Дворян, уклоняющихся от гражданской и военной службы, Павел Первый приказал предавать суду.

За то, что ограничил дворянские привилегии, и невзлюбили они государя.

Август является прусским подданным, но считает, что правильно делает русский император: слишком многое позволяет себе дворянская знать!

Правда, государь так сильно опасается дурного примера французской революции, что запретил ввоз в Россию иностранных книг и перестал отправлять юношей на обучение за границей, закрыл все вольные типографии в стране. Но лучше уж так, чем появление всяких революционных идей. Ведь за идеями последуют революции, а с ними – море крови своих подданных. Государь ненавидит все, что напоминает ему о революционной Франции, но дает приют французским эмигрантам. Добр император! А сколько делает он для армии!

---

[7] [2] Жалованная грамота запрещала применять телесные наказания к дворянскому сословию. Павел Первый ввел такие наказания за убийства, разбой, пьянство и разврат.

При императрице покойной офицеры помышляли только о том, чтобы ездить в общество и оперу да ходить во фраках, а с появлением новых уставов Павла Петровича офицерам предписано находиться при полковом дворе да не лениться учиться! Теперь они головой отвечают за жизнь и здоровье подчиненных им солдат. За все офицерские провинности император ввел наказания!

Кому ж такое понравится? Ропщут офицеры-то, недовольство показывают! Мол, слишком деспотичный царь. А ежели война? Правильно делает государь! Да только как втолковать все это господам офицерам, полковникам да генералам?

Павел Петрович – настоящий рыцарь. Недаром мальтийский орден, оставшись без пристанища и великого магистра, обратился за помощью к русскому царю. И тот встал на защиту старинного духовного ордена. За его рыцарские идеалы избрали императора Всея Руси великим магистром ордена. А ведь государь – православный. Говорят, даже Папа Римский дал свое на это согласие, так велика слава и честь российского императора.

Только кажется Августу, что наивен государь. Он мечтает ввести в Европе принципы рыцарского ордена – христианское благочестие, верность долгу, послушание старшим, личную ответственность монарших семей и знатных фамилий. Он хочет, чтобы прекратились войны, чтобы мир, наконец, установился в европейском обществе. Но Август Коцебу не верит, что такие времена могут наступить. Не будет

этого, не хотят европейские страны жить по-христиански. А жаль. Это могло бы спасти Европу от революций, войн и разврата…

Правда и то, что врагов себе нажил государь! Особенно после сближения с первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом. Не только внутри страны, но и за ее пределами. Англичане не любят его, плетут интриги против императора Всероссийского. Эх, с англичанами лучше не связываться. А ведь среди близкого окружения государя есть такие, кто не прочь послужить не российской короне, а английской. И все из-за денег. Изменники! Видел однажды Август, как захаживают в английское посольство руководители русской дипломатии Воронцов, Безбородко и Панин[8]. Не к добру это. Черт бы их побрал!

Немец Коцебу не любил англичан, считал их хитрыми, беспринципными интриганами, чужими руками жар загребающими.

Августу нравилось рассуждать на политические темы, в своих пьесах он всегда старался дать оценку тому или иному государственному деятелю. Он любил свою родину – Пруссию. Но и Россия ему полюбилась необычайно. Хотя многое

---

[8] [1] Граф Александр Романович Воронцов – русский государственный канцлер, сын генерал-аншефа графа Р.И. Воронцова; Александр Андреевич Безбородко – русский государственный деятель малороссийского происхождения, удостоен Павлом Первым высшего ранга канцлера Российской империи; Никита Петрович Панин – русский дипломат из рода Паниных, в двадцать девять лет получил от Павла Первого чин вице-канцлера.

в ее устройстве и быте он так и не уразумел за те шесть лет, что провел здесь, во время правления Екатерины. Сейчас он все осмысливает по-новому. И открывает для себя великого императора. Да, было трудно понять отношения императрицы Екатерины и наследника престола, но есть объяснение, что стало причиной такой взаимной неприязни.

А как объяснить поведение некоторых придворных чинов? Когда Август увидел, «взял в толк», как говорят русские, каково отношение к императору Павлу близкого его окружения, ему стало даже как-то неловко.

Будучи писателем, драматургом, тонко чувствующим человеческую природу (недаром его ставят в один ряд с Гете и Шиллером!), Коцебу умел наблюдать и делать выводы. Он никогда не делился своими мыслями с окружающими: зачем наживать себе врагов? Лишь изредка позволял героям своих пьес выражать некоторые грешные суждения и очень деликатно, намеками, записывал свои соображения в дневниках, которые впоследствии собирался издать: если не в Петербурге, то в Берлине.

Он наблюдал и удивлялся, как может Павел Петрович – человек весьма образованный, достойный, обладающий блестящими способностями к наукам и языкам, с врожденными представлениями о рыцарской чести и государственном порядке – не замечать того заискивания, злорадства и, подчас, неприкрытой ненависти, которые читаются на лицах его ближайших подданных?! На лицах людей, которых государь

приблизил к себе, дал возможность возвыситься и мнением которых дорожил? Он – Август фон Коцебу – все видел и понимал, какие интриги плетутся за спиной императора. Но его дело малое.

Вот и сейчас он спешит во дворец генерал-губернатора Петербурга – одного из тех, кого приблизил к себе Павел Петрович и кого Август, мягко говоря, недолюбливает. Знал он Палена уже многие годы – еще со времен, когда служил в Ревеле, а потом в Риге. Сегодня же граф (наряду с обергофмейстером Александром Львовичем Нарышкиным) был у Коцебу за начальника.

Чувствует писатель, что замышляет генерал-губернатор нехорошее против императора. Хоть и нет меж Августом Коцебу и Петром Алексеевичем Паленом никаких взаимных претензий, и беседуют они часто на одном языке (граф по рождению немец, вернее, из остзейских дворян[9]), и вроде бы заслуг у графа перед отечеством русским предостаточно – усердно и храбро сражался генерал Пален с турками, но нет ему доверия. Темнит граф, ох, темнит…

Однако драматург Коцебу – всего лишь писатель, сочиняет пьесы для Немецкого театра да художественно описывает Михайловский дворец. Так как дворец этот открыт для Августа фон Коцебу во всякое время (в отсутствие государя ему

---

[9] [1] Совокупное название курляндского, лифляндского, эстляндского дворянства. Этнически принадлежащие к эстляндским (балтийским, прибалтийским) немцам.

разрешено проникать всюду, даже во внутренние покои), то видит писатель и слышит многое. В Михайловском замке он знаком с каждым, кто служит там или начальствует.

Нужно сказать, что Августа не воспринимают всерьез (драматург, к тому же немец, выполняет причуду государеву), и его появление в замке и расспросы не вызывают ни осторожности, ни недоверия. Это устраивает Августа как нельзя лучше. Все, что писатель слышит и видит, он аккуратно записывает, по всякому поводу имеет свое суждение. Однако же благоразумие не дозволяет ему ни обсуждать свое мнение с кем бы то ни было, ни предавать печати свои записи. Возможно, однажды такое время наступит. А сейчас он держит свои суждения при себе. И ждет.

Август Коцебу ждет, когда придет момент, и он сможет издать свои дневники. О министрах, губернаторах, высших чиновниках, о нравах, царящих при дворе, удивительном народе, населяющем империю российскую, о жизни великой страны на рубеже веков. И, главное, о Павле Петровиче – императоре Всероссийском.

И Август тихо и с почтением произнес титул великого монарха: Божиею поспешествующею милостию, Павел Первый, Император и Самодержец *Всероссийский*, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, Князь Эстлянд-

ский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и Государь Еверский, а также Великий Магистр ордена святого Иоанна Иерусалимского и прочая, прочая, прочая…

Вторая Загадка. Наши дни. Москва

Максим Максимыч Омский, частный детектив, решил, наконец, сегодня разобрать все бумаги и сгруппировать по алфавиту и по датам все дела, которые ему приходилось расследовать. Столько фамилий, адресов, различных записей. И все это никак не систематизировано! К сожалению, времени на эту бумажную волокиту у него не хватало. Вот и сейчас, только он настроился на это гиблое дело, раздался звонок (высветился незнакомый номер, Макс раздумывал, отвечать или нет, но все же решил нажать на зеленую кнопку – возможно, потенциальный клиент), и тихий неуверенный мужской голос произнес:

– Здравствуйте. Я бы хотел поговорить с господином Омским.

– Это я, – Макс немного удивился обращению «господин», обычно первые фразы по телефону звучат проще: «Это Омский?» или «Мне бы Омского», чаще всего, «Будьте добры, пригласите к телефону Максим Максимыча». – Я вас слушаю.

– Вы – частный детектив Омский?

– Да.

– Мне нужна ваша консультация, – голос замолчал. Пауза длилась достаточно долго.

– Ну, хорошо, как ваше имя?

– Можно я не буду сейчас называть свое имя? – спросил он, и пока Максим думал, что бы ему ответить на столь странное заявление, голос произнес: – Если вы откажетесь меня принять, то нет смысла называться, если же мы увидимся, то, естественно, я представлюсь и расскажу о моих… – он подбирал слова, – сомнениях и проблемах. У меня необычное дело.

– Э-э, – протянул детектив, – а почему вы считаете, что я откажусь с вами встречаться?

– Понимаете, я нахожусь в стесненных финансовых обстоятельствах. Мне рекомендовали вас как профессионала и добросовестного человека, но сказали также и о расценках на ваши услуги. Я боюсь, что не смогу оплатить ваш труд в полной мере. И если вы согласитесь работать со мной, исходя из моих возможностей или в кредит, то я буду рад, если нет, простите, что побеспокоил.

– Послушайте, господин… э-э… – Макс про себя чертыхнулся: как же его называть? – я ведь не знаю, о чем речь. Как я могу браться (или не браться) за ваше дело, если я не знаю деталей. И потом, в оплату входит не только мой гонорар, как вы понимаете, но все затраты по расследованию: передвижения моих сотрудников, их зарплата, сбор оперативной информации, телефонные звонки и множество других расходов. Обещать вам, что все эти действия мы будем совершать за собственный счет, я не могу. Так что и вы меня великодушно простите, – Макс уловил особенность телефонного

гостя выражать мысли и невольно ему подыграл, – обещать вам что-либо без знания дела я не могу.

– Нет-нет. Очевидно, я не так выразился. Я хотел спросить вас, готовы ли вы меня выслушать прямо сегодня? Я изложу вам мою… историю, а вы скажете, сколько будут стоить услуги вашего агентства, если посчитаете нужным заняться этим делом. Если у меня будет достаточно средств, чтобы заплатить вам, то вопрос отпадает сам собой, если же нет, возможно, вы разрешите оплату в рассрочку…

Макс недовольно поморщился: в последнее время не везет с клиентами. Или дела какие-то неинтересные: мелкие слежки, супружеские измены, офисные интриги – все не слишком затратные и, соответственно, малооплачиваемые, или же дела любопытные, но клиенты финансово несостоятельные. Макс знал, если дело его заинтересует, он будет им заниматься и за маленький гонорар. А бывало, что работал и бесплатно.

Звонивший казался именно тем клиентом, с которого вряд ли можно будет взять полноценную оплату. Странный какой-то мужик. Что делать? Пригласить его или нет? Что скажет интуиция? Но интуиция молчала. А все потому, что он был чересчур раздражен: и тем, что снова не разобрал бумаги, и тем, что клиент чудаковатый, и тем, что давно не было интересных дел.

– Ладно. Давайте сделаем так. Вы придете ко мне и расскажете, что у вас за проблемы, а я уже решу, смогу вам по-

мочь или нет. И еще… – Макс выдержал паузу, – кто посоветовал вам обратиться ко мне?

– Ваша бывшая жена, – на той стороне тоже выдержали паузу, прежде чем сказать эту фразу.

– Лена? – Макс удивился.

Он не виделся с Леной года три. А расстались они, вообще, семь лет назад. Слава Богу, разошлись они мирно, так что отношения сохранились ровные, можно даже сказать, дружеские.

– Да, Елена Павловна. Правда, она добавила, что не знает, сможете ли вы мне помочь (слишком у меня необычное дело), но раз уж вы спросили… И еще она сказала, что вы настоящий сыщик и порядочный человек. А мне очень нужно с кем-то посоветоваться. Понимаете, обстоятельства складываются таким образом, что… – он чуть не плакал, этот голос, – что… я боюсь, – снова пауза.

– Хорошо. Приходите. Когда вы хотите подойти?

– А можно сейчас?

– Прямо сейчас? – Макс удивился такой поспешности.

– Я могу быть в вашем офисе минут через пятнадцать-двадцать.

– А вы знаете, куда ехать?

– Елена Павловна сказала мне. По адресу… – он назвал улицу, дом и квартиру, где Макс несколько лет жил и принимал посетителей. Но вот уже два месяца, как кое-что изменилось.

– Нет. Дом вы назвали правильно, но квартира не семьдесят пять, а сто сорок семь. Приезжайте. Я вас жду. Шестой подъезд.

О том, что у него новое помещение для работы, мало кто знал. Теперь Макс был владельцем настоящего офиса! Раньше его не смущал тот факт, что посетители приходили в обычную двухкомнатную квартиру, к тому же принадлежащую его бабушке. Галина Петровна все время жила на даче и в Москву наезжала редко. Получается, что жилплощадь эта была местом его проживания (другого не было) и работы.

Но с тех пор, как появилась Анечка, Макс стал подумывать о том, чтобы снять или, лучше, купить отдельную квартиру и не смешивать работу и дом. А четыре месяца назад, когда Аня объявила, что у них будет пополнение в семействе (он как-то сразу и не понял, о чем речь, а когда «до него дошло», безумно обрадовался такой новости!), счастливый Макс (ему ведь скоро сорок, а детей нет!) стал целенаправленно искать место под офис. Два месяца безрезультатных поисков (ну, не попадалось ему то, что хотел: чтобы и недорого, и комфортно, и, главное, рядом с домом) привели его в полнейшее уныние. Но, как часто бывает, помог случай.

Однажды вечером, поставив машину у соседнего подъезда и забирая сумки из багажника, он услышал, как проходившая мимо девушка разговаривает по мобильнику и ругает на чем свет стоит агентство недвижимости. Макс пошел следом за ней, прислушиваясь к разговору. Когда же она завернула к

соседнему подъезду, он остановил ее и спросил: в чем дело? Чем она так расстроена? Девушка, после нескольких минут недоверия (Макс показал свои документы, чтобы ее успокоить) сказала, что продает однокомнатную квартиру на четвертом этаже, но, по всей видимости, агентство хочет ее надуть. Приходят какие-то странные личности, предлагают ей треть от стоимости квартиры и, кроме того, угрожают, если она не согласится на их условия.

Макс напросился к ней в гости, узнал, сколько она хочет за свою одинарку (цена его почти устраивала, об этом «почти» они тут же договорились), и на следующий день они пошли к нотариусу и оформили куплю-продажу. Вот так у него появился офис в этом же доме, на четвертом этаже в шестом подъезде.

Просто замечательный офис! Месяц он делал там необходимый ремонт, перевозил рабочие вещи (наконец-то! Бабушка и Аня просто вздохнули свободно, когда все эти бумаги, каталоги, картотеки, «милицейские» книги, папки, диски и прочие атрибуты сыскной деятельности перебрались из жилой квартиры в новый офис), устанавливал телефон, интернет, принтер, сканер, в общем, все необходимое оборудование для деловых контактов; а для уюта и хорошего самочувствия клиентов купил мягкий уголок. Получилось очень даже неплохо.

Аня украсила его Офис (с большой буквы) различными цветочками и лимонным деревом, но Макс подозревал, что

долго им – цветочкам – не жить: руки у него не приспособлены для ухода за комнатными растениями. Думал сразу же отказаться от зеленой красоты, но не захотел огорчать беременную жену. И, как ни странно, растения, действительно, украсили чересчур деловую обстановку. Однако, что удивительно, вот уже месяц росли себе цветочки и продолжали зеленеть, хотя Макс совсем за ними не ухаживал, даже поливать забывал. Он подозревал, что Аня в отсутствие главного сыщика заходит «прибираться» в офис (категорически запрещено только разбирать бумаги на столе), общается с цветами (это у нее есть: разговаривать с книгами, растениями, животными и даже насекомыми!), а они отвечают ей взаимностью – расцветают и зеленеют, радуют глаз.

Макс потянулся в кресле и решил *поиграть*. Смысл игры заключался в том, чтобы представить звонившего человека *до его появления* и очертить предполагаемый круг вопросов, с которыми тот собирался обратиться. Из телефонного общения, голоса, интонаций собеседника и своих впечатлений составить портрет человека, увидеть, визуализировать, нарисовать его в своем воображении.

Игру эту придумал Андрей – его друг и помощник. Больше десяти лет они работают вместе. Макс все время переживает, что однажды его соратник найдет себе более престижное место и покинет детектива Омского, но тот пока не уходит, продолжает работать: к радости шефа и сожалению Анны Станиславовны – мамы Андрея. Правда, сожаление ее ка-

жется им обоим немного театральным. Основная претензия мамы – работа у Макса не дает возможности ее сыну встретить достойную девушку и жениться. (Эх, знала бы она, как часто ее любимый сын меняет девушек! Если бы он хотел, давно бы уже «определился».) Мама его мечтает отдать, наконец, своего «непутевого сына» в надежные руки и радоваться внукам. Но Андрей отшучивается: пока не готов к роли мужа, и работа здесь ни при чем. Просто не появилась еще та самая… единственная.

Встретились Максим Омский и Андрей Шустров случайно. В парижском кафе. Андрей в то время учился на специальных курсах, организованных факультетом истории искусств в Сорбонне. А Макс первый раз выехал за границу. И сразу в Париж! Там Андрей познакомил Макса с криминалистом и частным детективом Мишелем Дебре.

Эта поездка изменила жизнь Максима Омского. По возвращении из Франции он уволился из милиции и организовал свое детективное агентство. А Шустров стал числиться у него в помощниках. В смысле, «на зарплате». Вместе они расследовали не одно дело. Самое интересное и высокооплачиваемое – поиск покрова Девы Марии из шартрского собора[10].

Что же касается *игры*, то это идея Андрея (он, вообще, идеями «фонтанирует» – его словечко). Однажды, когда

---

[10] [1] О поиске похищенной христианской реликвии – покрова Богородицы из собора Нотр-Дам-де-Шартр можно прочесть в романе «Покров Любви».

прозвучал телефонный звонок и очередной клиент попросил о встрече, Андрей предложил определить: каков он, этот человек? как выглядит? что ему надо? в чем его проблема? Помнится, в тот раз их представления о человеке во многом соответствовали реальному посетителю. Потом было по-разному: иногда – попадали, иногда – полнейший провал. Но такая игра их захватила. Особенно интересно было, когда они «угадывали» вдвоем, соглашаясь друг с другом или, наоборот, отстаивали каждый свой вариант.

Сегодня Андрей был «на задании» (так, мелочь, небольшое дело). К сожалению, виделись они все реже. И Макс подозревал, что это происходило не из-за работы Андрея на стороне (его часто приглашали в полицию, таможенные органы и музеи для консультаций по вопросам искусства: Шустров, несмотря на молодость, уже имел имя), а потому что тот не хотел злоупотреблять своим присутствием, понимал, что в жизни шефа появилась Анечка. И напрасно. Андрей никак не мешал семейному счастью Макса. И Аня очень хорошо относилась к верному оруженосцу своего обожаемого мужа.

Макс чувствовал, что общения с Андрюхой ему не хватает. Кстати, тот факт, что теперь у них (именно *у них*, а не только у него) появился отдельный офис, может способствовать возвращению совместных встреч «без повода». Макс улыбнулся, думая об Андрее. Это только кажется, что встречи такие носили характер досуга. На самом деле это были самые настоящие творческие посиделки: эдакая мозговая кол-

лективная работа, вид взаимопомощи (одна голова – хорошо, а две – лучше), когда в споре и анализе фактов выстраивались версии, находились мотивы, вырабатывались решения, и, в результате, раскрывались преступления. Великолепный собиратель информации Андрей Шустров и практический аналитик Максим Омский дополняли друг друга. У Макса – полицейский ум и блестящая интуиция, а у Андрея – энциклопедические знания, отличная память и… романтическое мироощущение.

Итак, Макс попытался представить, каков он, «голос»? Мужчина лет пятидесяти пяти-шестидесяти, работник бюджетной сферы (учитель, средней руки чиновник), добросовестный, щепетильный в денежных вопросах, воспитанный на классической литературе, интеллигент, про таких говорят: «немного странный». Возможно, насчет денежного вопроса Макс ошибается: «голос» просто жадничает. Что еще? Не уверен в себе, комплексует. Внешне… э… среднего роста, с хорошим благородным лицом, седыми, чуть вьющимися и достаточно длинными волосами, неухоженный, в очках с толстыми линзами, сером пиджаке, серых брюках (верх и низ из разных костюмов), стоптанных туфлях.

Нарисовав такой портрет, Макс поморщился: «Ну, братец, – отругал сам себя, – ты стал банален. Классический портрет, ни грамма фантазии, короче, поиграл на слабую троечку. А где же воображение, где полет детективной мысли? Стареешь! Андрей бы сказал: «Шеф, тебе надо отдох-

нуть» и был бы прав».

Максим расстроился. Что-то у него сегодня не клеилось. То ли от того, что нарушились его планы, то ли встал не с той ноги, то ли давно не общался на посиделках с Андреем и это вносило дискомфорт в его творческое самочувствие, то ли от неизвестно откуда взявшегося ощущения тревоги, но, так или иначе, игра, по его представлениям, не получилась.

Воображение никак не включалось. Однако с самооценкой у него все в порядке! В ожидании «голоса» Омский бесцельно перебирал бумаги на рабочем месте и продолжал фантазировать. Прошло двадцать минут. Макс забеспокоился. Тридцать. Гость не приходил. Макс выглянул в окно: возможно, клиент ждет внизу, не может зайти в подъезд, потому что забыл код. Никого. Он закрыл окно и тут же услышал шум и крик на лестнице.

Макс выскочил из квартиры: так и есть, что-то случилось этажом ниже. Он спустился вниз и на площадке увидел девушку, прислонившуюся к стене, и лежащего на лестничной клетке окровавленного мужчину (а ведь чувствовал, что может случиться нечто подобное! Недаром его состояние было таким странным! Он хорошо помнил момент, когда взглянул на часы и отчего-то занервничал). Девушка всхлипывала и пыталась что-то объяснить соседке, выглянувшей на крик из квартиры справа, потом, увидев Маска, начала рассказывать ему, что наткнулась на человека только что, поднимаясь по лестнице: лифт не работал. Омский наклонился к мужчине

и потрогал пульс. Бесполезно. Мужчина был мертв.

Самое удивительное, Макс *узнал* его: человек был тем самым «голосом», который так спешил посоветоваться с детективом о каком-то своем необычном деле. Вот он – его *посетитель*: мужчина лет шестидесяти, среднего роста; седые волосы разметались по полу. На нем был серо-зеленый поношенный пиджак и темно-серые брюки. На рубашке какого-то грязно-синего цвета расплылось красное пятно. Вернее, оно было не красным, а бордовым и по форме напоминало голову медвежонка. И даже стоптанные туфли были на нем такие, какими нарисовало их воображение Макса. Очки с толстыми линзами сдвинулись в одну сторону, правая дужка была за ухом, а левая – почти под носом, в глазах застыло удивление. Но было еще нечто в этом мужчине, что зацепило Макса… Он пытался понять, что его так напрягает, но не мог сосредоточиться…

Макс сам вызвал полицию и криминалистов. Ожидая их, все время раздумывал, что именно кажется ему странным. Что же его так задевает?

Полицейские приехали на удивление очень быстро. И пошло-поехало… Почти все ребята в оперативно-следственной группе: участковый, оперуполномоченный местного УгРо, эксперт – его знакомые. Но вот следователя Макс не знал. Тот очень неоднозначно отнесся к факту, что человек этот шел на встречу с детективом. Шел, да только отчего-то не дошел! Кто-то ему помешал.

Что же, Омский М.М. – бывший опер, а ныне частный детектив (следак по этому поводу иронично ухмыльнулся) готов быть свидетелем по делу и будет честно отвечать на все вопросы. Но первый же вопрос следователя поставил его в тупик. И отчего это господин сыщик так уверен, что убитый является тем *самым* человеком, если раньше они никогда не встречались? «А действительно, – задумался Макс, – почему я так уверен в этом? Неужели только из-за нелепого сходства, нарисованного игрой воображения портрета звонившего человека с убитым? Может быть, это совсем другой мужчина, а «мой Голос» просто передумал и не пришел?»

Он попытался рассказать следователю о своей игре, но тот, по-видимому, не поверил. Макс на его месте тоже не поверил бы. Как-то неубедительно звучало это объяснение. Неубедительно для следователя. Но чем больше Макс думал о звонившем, тем больше убеждался, что убитый – тот самый «голос».

Нужно расспросить бывшую жену. Она направила этого человека к нему. И еще Макс никак не мог понять, что именно в убитом мужчине показалось ему странным. Ускользнула какая-то деталь… Ладно, завтра на свежую голову он «проиграет» все события заново.

Теперь ему точно придется, хочет он того или нет, браться за расследование этого убийства. И без всякого гонорара. «Хотя, – подумал Макс с надеждой, – у «голоса» ведь есть родственники, мало ли, возможно, часть расходов они смо-

гут оплатить».

Он не будет афишировать свои действия (ментам не нравится, когда сыщики «путаются под ногами»), но провести кое-какую работу все же придется. Надо позвонить Андрею. Пусть начинает сбор информации.

Поиск Отгадки. Наши дни. Корсика

Уже несколько дней Рита наслаждалась спокойной и размеренной жизнью в *своем доме*. Удивление, что дом этот находится на Корсике – чудо-острове, который не зря называют «островом красоты», еще не прошло, но вместе с удивлением возникло желание продлить эти мгновения счастья, которые сыпались на Риту с утра до вечера. Они, эти мгновенья, превратились в сплошной дождь блаженства, любви и радости. Никогда ей не было так хорошо. Ее все любили! Боже, как это здорово: пребывать в волнах бесконечной любви. Чувство защищенности, спокойствия и какой-то несвойственной ей расслабленности притупило страх и опасение, что однажды эта жизнь закончится и обман раскроется. Но… что может быть лучше, когда в доме звучит детский смех и тебя называют мамой, когда из твоей комнаты открывается вид на море, и по утрам, отворяя ставни, можно подставить лицо солнцу, вдыхать морской воздух и ощущать соленые брызги на губах?!

Само провидение привело ее сюда – в этот райский уголок. Зачем сопротивляться? Все принимают ее за Алису? Она станет Алисой! «Муж» Андре любит ее? Она готова ответить ему взаимностью. О таком мужчине можно только

мечтать. И Рита уже влюбилась в «своего мужа». Мама неизвестной ей (и почему-то до боли похожей на нее) Алисы признала в ней свою дочь? Что ж, Рита не будет огорчать эту женщину и станет ее дочерью! Она *станет* Алисой – Алис Юриеф, в замужестве Де Морни. Так звучит теперь ее имя, так записано оно в идентификационной карточке, которую она нашла в шкатулке с документами. Рита перестала удивляться тому, что это ее фотография красуется на всех документах.

Но главное, что сделало ее счастливейшей из женщин, это то, что теперь она – мама! Маленький Серж (Сережа – так она стала называть мальчика) стал *ее* сыном! Это и явилось основной причиной того, что Рита больше не сопротивляется, не говорит, что она – это не она (то есть не та, за кого ее принимают), не отказывается от имени Алис и, главное, она наслаждается ежедневным и ежечасным общением с сыном. *Своим* сыном.

Сейчас ее мучили два момента: мама, которая осталась в Москве и, конечно же, ждет от нее весточки, и «муж». Отношения с «мужем» зашли так далеко (он радовался, что болезнь ее отступает – кстати, нужно выяснить, что за болезнь у незнакомой ей Алисы, – что она становится все красивее и красивее, и взгляды его недвусмысленно говорили: он ждет…), что вот-вот наступит мгновение, когда они станут близки и… Нет, она ждала этого мгновения, но будет ли она казаться ему Алис в любовных объятиях? Рита сомнева-

лась. И тогда может наступить конец… Андре поймет, что перед ним другая женщина.

Однако отдалять интимную близость больше нет возможности. И нет сил. Рита сама готова броситься в его объятия. А вдруг он не заметит подмены? Мало ли? Вдруг получится все списать на ее «болезнь» (об этом здесь стараются не говорить, но тема эта так и витает в воздухе), которая хотя и отступила, но многое поменяла в поведении Алис.

Как только Рита решила стать *той* женщиной (хотя бы на время, чтобы разобраться), жизнь наполнилась новыми красками. Быть Алисой оказалось проще, чем она предполагала. Если что-то сделала или сказала не так – тут же все объяснялось непонятной амнезией (болезнь, что ж делать!). Если «не вспоминались» эпизоды прошлого (откуда же им взяться, этим воспоминаниям?) – снова говорили о неведомом недуге, который сразил «бедную девочку». Ее жалели и старались не тревожить хрупкую психику. А она, благодаря этой самой «неустойчивой психике» и «частичной амнезии», потихоньку выясняла, чей это дом и что это за семья, в которую она волею обстоятельств попала. Почему здесь, во Франции (нет, это не совсем Франция, это La Corse, остров, обладающий особым статусом во Французской Республике), в этой семье говорят по-русски и по-французски? И выяснила, что предками Андре и Алис были не только французы, но и русские. И еще итальянцы. И, как она поняла, многие из них не простые люди, а знатные.

Она рассматривала портреты на стенах, невзначай задавала вопросы няне.

История жизни няни – это отдельный роман. Елизавета Петровна родилась в Нюрнберге в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Родители ее познакомились в трудовом лагере, куда нацисты направляли угнанных для работы на немецких заводах граждан со всей Европы. В этом лагере встретились русская Татьяна Иванчикова из смоленского села Слобода и Пьер Дюбуа – француз из Пикарди. И плодом их любви стала Лиз-Роза-Мария, крещенная в православной церкви уже после войны и получившая русское имя Елизавета Петровна. Отец Лиз не возражал против такого неофициального имени. Жизнь свела Елизавету с семьей Юрьевых, точнее, Юриеф – так звучала русская фамилия, – в чей дом ее пригласили работать няней для маленькой Алис. Девочка росла, но продолжала нуждаться в общении с Елизаветой Петровной, и няня осталась жить у них навсегда – стала членом семьи. Сначала семьи Юриеф, а потом, когда Алиса вышла замуж, – Де Морни.

У Андре тоже есть русские корни: бабушка была русская, а его мама – уже наполовину итальянка: отец ее – дед Андре – родом из Сардинии. Бабушка с дедом познакомились на корабле. Это было сразу после войны. Молодая и симпатичная девушка с длинной русой косой стояла на палубе корабля, следовавшего из Неаполя, куда судьба забросила ее семью после революции, в Марсель, где жили ее близкие родствен-

ники, связь с которыми они потеряли в двадцатые годы.

Корабль остановился в порту Санта-Тереза на Сардинии, и на борт зашел красавец двухметрового роста с роскошными усами и карими насмешливыми глазами в модном, почти до пят, плаще. Девушка стояла на палубе и не могла отвести взгляд от красавца-итальянца. А он увидел русскую Наталью и с первого взгляда влюбился (так рассказывала няня историю знакомства бабушки и дедушки Андре). Плыть ему было – всего ничего, через пролив Бонифачо – на Корсику, которую разделяет с Сардинией каких-то шесть миль. И за эти пару часов он успел не только предложить русской синьорине стать его женой, но и получить от нее утвердительный ответ: да, она согласна!

Так и не добралась тогда Наталья до Марселя, а осталась на Корсике. Но с того момента Армандо – так звали красавца – и Наталья не расставались.

Все эти истории выведывала потихоньку у разговорчивой бабули Рита и никак не могла понять, где здесь правда, а где вымысел, красивая сказка. Ей очень хотелось расспросить няню о «своей» фамилии, о Юрьевых, но пока не находился подходящий момент. А после визита матери Алисы у Риты в голове все перемешалось.

Она помнит эту встречу в мельчайших подробностях: женщина зашла в дом, увидела «дочь», бросилась к ней, стала обнимать и целовать «свою девочку». У Риты внутри защемило, заныло, слезы сами полились из глаз. Она обняла

эту женщину, которая почему-то опустилась перед ней на колени и притулилась головой к ее животу, от чего внутри что-то свернулось и запульсировало, гладила ее по волосам и при этом испытывала странное чувство. Как будто та ей не чужая, как будто их что-то связывает. Хотя Рита понимала, что видит ее первый раз в жизни (а память на лица у нее феноменальная). Эта женщина – Катрин – назвалась ее матерью. Как такое возможно? Неужели ее настоящая дочь и она – Рита – так похожи, что даже родная мать не отличила одну от другой? Это невероятно.

То, что Андре принимает ее за свою жену и Сережа считает ее своей мамой, Риту совсем не угнетало, но вот перед этой женщиной ей стало стыдно.

Еще одна боль, разрывающая сердце, – мама. Настоящая мама, которая осталась там, в Подмосковье. Но у Риты есть, как минимум, неделя-две, чтобы подумать, как решить эту проблему. Сейчас мама не ищет ее, потому что знает: дочь уехала (каждое лето в июле или августе на протяжении пяти лет одно и то же!) в поисках сюжетов для своих романов. И в это время лучше ее не беспокоить. Рита отправила короткое сообщение маме (Андре купил новый мобильник, они не могли понять, куда делся ее старый аппарат), что она потеряла телефон, а в остальном, все замечательно: море, солнце, работа. Целует маму сто раз и просит не волноваться. Потом сообщение стерла… На всякий случай.

Есть у Риты маленькая тайна: она пишет книги. Об этой

тайне знает мама. Лучшая мама на свете. Пока что Рита пишет, как говорится, «в стол». Но идей у нее на десяток романов, это точно! Ее очень интересует история, тайны и загадки правления царей, королей и императоров, секреты государств, политические интриги и заговоры. Особенно ее захватывают события в жизни государства российского, русских правителей, тайны дворцовых переворотов. Поэтому ее любимое занятие – изучение архивов, поиск старинных книг, в которых можно найти много интересного. И хотя главный поисковик сегодня – интернет, но ничто не сравнится с удовольствием перелистывать желтые страницы, вдыхать запах старых книг, представлять, как эти издания держали в руках господа и сударыни, которые потом становились героями ее романов.

Об этой ее страсти пока не время распространяться. Не время думать о том, чтобы издать свои книги. Несмотря на то, что уже написаны три романа, Рите не хотелось останавливаться и тратить время на поиск издателей. Вот придумает еще три-четыре книжки, тогда можно будет отдохнуть и заняться изданием своих сочинений…

Рита сидела на террасе гостиной, с которой открывался вид на горы и скалы (ее сморила послеобеденная лень и не хотелось двигаться), и раздумывала о том, что с ней произошло. Сынишка отправился спать (он всегда спит после обеда), Андре – на работе, няня деликатно удалилась. Она погрузилась в свои мысли и пыталась найти если не ответы,

то хотя бы какое-то разумное объяснение тому, почему она здесь. Как она очутилась в этом доме?

Она помнит, как спустилась с трапа самолета (еще в апреле она забронировала билет на рейс компании Эр Франс Москва-Марсель), прошла паспортный контроль, получила свой багаж и собиралась ехать в порт, а потом на пароме добираться… до Корсики. Да-да, она направлялась на Корсику не только для того, чтобы поваляться на белых песчаных пляжах, поплавать в бирюзовом море, понежиться на солнце, которого так мало в Москве, и поесть всяких корсиканских вкусностей, запивая их пурпурно-розовым прохладным вином, но, главное, чтобы собрать необходимую для нового романа информацию о Наполеоне. Она договорилась с сотрудниками музея истории Корсики о том, чтобы ей предоставили для изучения архивные материалы: оказывается, здесь находится часть переписки Наполеона и Павла Первого. У нее был забронирован номер в отеле в Аяччо (или как произносят французы, в Ажаксио – Ajaccio) – городе, где родился великий корсиканец. Но что-то пошло не так.

Она помнит, как вышла из аэропорта, направилась к стоянке такси. Таксист произвел на нее неприятное впечатление, много говорил: марокканец, приехавший во Францию в двадцатилетнем возрасте в поисках лучшей жизни, жаловался, что эта самая жизнь, о которой мечталось, сидя за школьной партой в Касабланке, оказалась не такой уж хорошей, что зарабатывать стало все труднее, клиенты жадничают, остав-

ляют мало чаевых. (Рита намек поняла, но решила, что больше одного евро ему не даст – надоел своим нытьем!) Еще говорил о том, что русские женщины очень красивы и независимы. (Как он определил, что она русская?) Потом они приехали в порт, а через час она была уже на пароме. Больше Рита ничего не помнит. Нет, еще она помнит, как взяла бутылку воды в баре – очень хотелось пить. Сделав несколько глотков, она почувствовала себя плохо: перед глазами все поплыло, тошнота подступила к горлу. Рита успела подумать, что это от перелета и жары. И все. Теперь, действительно, все. Провал в памяти.

Очнулась здесь. В комнате со ставнями и видом на море. С сильной головной болью и ломотой в суставах. В чужой постели и чужой ночной рубашке. В окружении людей, которые пытались убедить ее, что она – Алиса.

У нее не оказалось ничего, что напоминало бы о прошлой жизни. Где ее вещи? Где багаж? Где российский паспорт? Нет ничего. Она помнит, как очнулась. Ее разбудил гром, стихия. Потом был странный разговор с Андре и няней. Фотоальбом с кошками.

Она пересматривала альбом за эти дни десятки раз! Что-то смущало ее в этом альбоме, но она не понимала, что именно: какая-то деталь цепляла, заставляла возвращаться к детским и юношеским фото Алисы по нескольку раз. Рита была уверена, что не знает людей на фото, не помнит себя *такой*. Но есть нечто, что кажется ей не просто знакомым, но род-

ным. И каждый раз, когда она рассматривала старые снимки, у нее поднималось давление, раскалывалась голова от того, что она никак не может уловить это *нечто*, найти важное звено, которое вроде бы лежит на поверхности, но которое не так-то легко разглядеть.

Почему ни Андре, ни няня, ни тем более Катрин не прислушались к ее словам? Не поверили ей? Почему так настойчиво убеждали, что она – Алиса? Рита сопротивлялась, пыталась объяснить, что это не так, что происходит мистификация, она – не та, за кого ее принимают. Но когда в комнату вбежал Сережа, бросился ей на шею и назвал мамой, Рита засомневалась в своей правоте, решила, что сошла с ума, что вся ее прошлая жизнь – это просто странный сон, который ей приснился, пока она болела (да, она пыталась убедить себя, что нездорова, и раздвоение личности, которое ее угнетает, – плод болезни), что она и есть Алиса, Сережа – *ее ребенок*, Андре – *ее муж*, а дом со ставнями – *ее дом*. Но заблуждение это длилось недолго. Все-таки она не сумасшедшая.

Она – не Алиса, как бы ей не хотелось сейчас ею быть. Она – Рита. Маргарита. Это Рита сочиняет истории и раскрывает политические заговоры. Это Рите так хочется сейчас писать. Открыть свой компьютер и писать. Бог с ними, вещами. Единственное, чего ей недоставало – ее компьютера. Он исчез так же, как и все остальное. Дома – в России – у нее все записано на флешках. Но также очень многое осталось в голове. Поэтому она сядет за компьютер Алис и будет рабо-

тать. Она помнит, на чем остановилась…

Солнце, как мячик, перекатилось из-за скал, ослепило террасу и начало припекать. Лето, август. Но ей совсем не жарко. Это от того, что рядом море. Рита потянулась, допила остывший кофе, решила уйти в дом. Как тихо и спокойно! Сережа спит, няня, очевидно, отдыхает с книжкой в руках. (Рита улыбнулась, вспомнив, как вчера зашла к ней в комнату и увидела трогательную картину: Елизавета Петровна дремлет, а открытая книга лежит на груди). Поднялась по лестнице в свою комнату, села за компьютер. Нет, она не Алиса. Себе она врать не станет. Это именно Рите хочется спрятаться ото всех и писать…

Сидя в тишине и покое, вспоминая то, над чем она работала последние два месяца, она вдруг замерла, пораженная одной простой мыслью. Почему же эта мысль не пришла к ней раньше? Она подумала об Алисе. *Той*, чье место она, по какому-то невероятному стечению обстоятельств или чьей-то воле, заняла. *Что стало с настоящей Алисой?* Женщина, которая так похожа на нее, что даже родная мать не смогла их различить, женщина, которую так любят в этом доме, не может просто так исчезнуть! Где она? Возможно, она попала в беду? И ей нужна помощь!

Рита застонала: она – самозванка, воспользовалась бедой этой неизвестной женщины и наслаждается счастьем и любовью, которые предназначены вовсе не Рите! Что же делать? Как узнать, где сейчас Алиса? Как ее найти? Наверное, нуж-

но сказать правду… Хотя бы Андре…

Она грустно улыбнулась: поверят ли ей? Вряд ли. Снова заговорят о болезни. Нет, надо придумать что-нибудь другое. Ясно только одно: она не сможет вечно оставаться Алисой. Когда все узнают правду, ей придется как-то объяснять… Но ведь они сами не хотели верить!

А если объявится настоящая Алиса? Рита не желала ей зла и очень хотела, чтобы с этой женщиной ничего страшного не случилось, чтобы она нашлась и вернулась в свой дом. Но вот что тогда будет с ней – Маргаритой? Как забыть Андре? Эти темно-серые глаза? И как отказаться от сына? Эти вопросы встали вдруг перед нею со всей очевидностью и ответов на них не находилось.

Ее романы могут подождать… Сейчас важно разобраться с этой историей.

Она услышала шум на лестнице. Проснулся Сережа и прибежал к ней. И все плохие мысли куда-то исчезли. Она схватила мальчика, подняла на руки и закружила, приговаривая: «Самолет построим сами, пронесемся над лесами, пронесемся над лесами, а потом вернемся к маме[11]». Она целовала его голову, ручки и ножки и млела от блаженства. А в дверях стоял счастливый Андре (они даже не услышали, как тот пришел), и Рита вместе с сыном подалась к нему и страстно его поцеловала. Сережа звонко смеялся, оказавшись зажатым между папой и мамой, а Андре смущенно хмыкнул

---

[11] 1 Агния Барто. Стихи для детей: «Самолет».

и прошептал, что сегодня ночью она от него точно не отвертится…

Снова Подсказка. На рубеже веков. Декабрь 1800 года

Август ехал на санях, запряженных парой лошадей, во дворец графа Палена и пытался угадать, зачем его вызывают так поспешно и в столь ранний час. Он выполнял все поручения аккуратно, с немецкой тщательностью – вовремя и качественно. Император всегда оставался доволен его работой. Тем более удивительной была та срочность, с которой его немедленно требовали к военному губернатору. Но вскоре писатель успокоился: никаких злых умыслов он не имел, ни в каких тайных обществах не состоял, следовательно, беспокоиться ему не об чем. Очевидно, понадобилась его помощь в переводе какого-либо срочного документа. Он расслабился и даже позволил себе немного вздремнуть, укутавшись в теплое одеяло и разомлев от ритмичного хруста: свежий утренний снег скрипел под полозьями, и скрип этот да равномерное покачивание саней убаюкивали. Очнулся, услышав протяжное «тпру»: лошади остановились.

Зайдя во дворец, Коцебу отдал теплый полушубок слуге и тут же был препровожден в кабинет. После традиционного приветствия генерал-губернатор сказал ему с улыбкою:

– Ну что, Август Фридрихович, – Пален, принявший православие и нарекшийся Петром Алексеевичем (урожденный

Петр Людвиг фон дер Пален), всегда обращался к нему на русский манер, – размышляешь небось, зачем тебя вызвали в столь ранний час?

– Думаю, знания мои в языках понадобились императору. Видимо, срочность есть какая…

– Угадал. Император решил разослать *вызов* всем государям Европы и их министрам. Такое себе приглашение на турнир. Он избрал тебя для того, чтобы изложить этот вызов на немецком языке и поместить его во всех газетах. К тому же, – граф усмехнулся, – нужно взять на зубок, – так он выразился и вновь засмеялся, – и выставить в смешном свете барона Тугута[12]. Следует сообщить также, что генералов Кутузова и Палена, – указав большим пальцем себе в грудь, – император называет в качестве своих секундантов.

– И когда нужно приступить к сему труду?

– Сейчас же. Поэтому и вызвал тебя так срочно. Будешь работать здесь. Сегодня к часу дня мы должны представить документ императору.

– Лично?

– Да. Так пожелал Его Величество. Мы пойдем во дворец вместе, возможно, Павлу Петровичу понадобятся твои знания языков и литературного письма. Так что, Август Фридрихович, не будем терять время.

Указав ему место за бюро, граф вышел из кабинета.

---

[12] [1] Барон Иоанн Амадей-Франц де Паула фон Тугут – Пятый канцлер австрийской империи.

«Та-ак, и что же мне делать? Как представить такое странное сочинение? Надо ведь понимать, какие цели у государя, чего он хочет добиться своим вызовом?.. Похоже, не заслужу я милость монарха, ибо понять не могу, *как* и, главное, *что* писать… Ладно, будет вам моя версия. А там, как получится, – подумал Август и вспомнил, как нелестно отзывались о бароне Тугуте военные: – Александр Васильич[13], например, называл барона существом кабинетного права и говорил, что ничему путному не бывать, доколе Тугут не перестанет самовластвовать над военными действиями. Однако ж в Европе есть не только Тугут. Есть другие монархи, уважаемые и сильные. Как же мне найти нужный тон письма?»

Два часа сочинял Август фон Коцебу «свой» вызов. Когда же дал прочесть Палену, тот остался недоволен. По его мнению, вызов был недостаточно резок. Коцебу потратил еще час, чтобы написать сочинение в более резкой манере. Второй документ после некоторых раздумий решено было оставить.

Во дворце им пришлось долго ожидать в передней. Государь выехал верхом, и никто не знал, когда он вернется. Когда же, наконец, графа (одного) пригласили, тот взял написанную Августом бумагу, вошел к государю. Коцебу нервничал: не мог усидеть на месте, прохаживался по зале, выглядывал в окно. Пален отсутствовал около часа. Наконец, дверь открылась и появился граф.

---

[13] [2] Александр Васильевич Суворов.

«Не в духе», – писатель совсем запаниковал.

– Документ все еще недостаточно силен. Езжайте домой, продолжайте работать. Вернетесь ко мне, когда напишите новый вариант. А я должен остаться.

– Да вы бы объяснили мне, Петр Алексеич, чего хочет государь. Какова цель сего документа?

Но Пален не ответил. Отдал бумагу и вернулся в монаршую залу. Одеваясь, Август никак не мог попасть рукой в толстый рукав полушубка, переживал: «Не хватало еще попасть в немилость из-за этого вызова. Думай теперь, ломай голову, составляй то, не знаю, что…» Он намеревался уже выйти из дворца, как у самой двери догнал его камер-лакей императора и попросил вернуться.

В ту минуту, как Август вошел в кабинет, государь поднялся ему навстречу с особенно приветливым поклоном и, улыбаясь, сказал:

– Господин Коцебу, прежде всего мне необходимо повиниться перед вами.

– Повиниться? – писатель растерялся, он был поражен столь неожиданным приемом.

– Да-да, повиниться. Надо было объяснить вам, каковы мои цели, чего я хочу от вас, как представляю себе этот документ.

– Ваше Императорское Величество, вы тронули мое сердце. В вашей руке находится волшебный жезл. И жезл этот – милосердие.

Согласно этикету, Август хотел опуститься на колено, чтобы поцеловать у государя руку, но тот приветливо приподнял его, поцеловал в лоб и заговорил по-немецки (с легким акцентом). Император был любезен и веселился:

– Вы слишком хорошо знаете свет, следите за текущими политическими событиями. Вы должны знать, какую роль в европейских событиях играют русские монархи. Говорят, я часто поступал… – он искал слово, – неправильно, – продолжал он, смеясь, – справедливость требует, чтобы я был… хм… наказан, – государь продолжал веселиться. Потом взял Августа за руку, подвел к окну и показал написанную собственноручно бумагу. – Я хочу, чтобы вы перевели этот текст на немецкий язык и поместили как можно скорее в Гамбургской газете и других повременных листках.

Затем император прочел бумагу, написанную по-французски. А при последних словах от души засмеялся. Август тоже учтиво улыбнулся.

– А вы отчего смеетесь, господин Коцебу?

– Оттого что вы, Ваше Величество, имеете столь точные сведения о состоянии дел в европейских монархиях. И оттого, что так смело хотите вызвать монархов на политическую дуэль.

– Да-да, пусть соревнуются монархи, а не армии. В войнах погибает столько солдат! И в нашей власти сохранить им жизни.

– Вы – милосердный государь, Ваше Величество. Но, увы,

не все монархи в Европе так думают.

– Вот, возьмите этот документ, – продолжал он, передавая бумагу, – переведите его на немецкий язык. Оригинал можете оставить у себя, принесите мне копию и перевод. Идите. Лакей препроводит вас в тихое место, где вам не помешают работать. Когда будете готовы, возвращайтесь. Я жду.

Писатель вышел из кабинета и комфортно устроился за столом в маленькой комнате, куда его отвел лакей. Перевод не составил большого труда. Загвоздка была только в одном слове: *taxer*. Следовало ли ему употребить немецкое выражение, в котором перевод звучал бы как «обвинять»? Выражение могло показаться слишком сильным. И Август смягчил смысл, употребив более мягкое, размытое словосочетание. Когда закончил, вернулся. У кабинета его встретил граф Кутайсов. (О, об этом человеке Август тоже знал немало. В своих дневниках и записях он поместил занятные анекдоты о графе. Турок, взятый в плен в Бендерах и подаренный Павлу в бытность престолонаследником, слыл любимцем императора и пользовался неограниченным его доверием. Павел пожаловал ему графство и самолично выбрал имя.) Кутайсов о нем и доложил.

– Садитесь, – сказал приветливым тоном император. Август, из уважения к сану государя, не смел повиноваться, но тот повторил тоном, более строгим: – Садитесь, говорю вам, – и тут же вновь улыбнулся: – читайте. Непременно хочу услышать, что у вас получилось, – и снова повторил: –

читайте ваш перевод.

Павел взял написанный им французский оригинал и приготовился слушать его немецкий перевод. Коцебу стал медленно читать, поглядывая украдкой на государя:

– Из Петербурга пришло известие, что Русский император, видя, как Европейския державы не могут между собою согласиться, и желая положить конец войне, одиннадцать лет терзающей Европу, предлагает назначить место, в которое он приглашает всех прочих государей прибыть и сразиться между собою в турнире, – прочел Коцебу начало «вызова». (Государь при слове «турнир» засмеялся.) – Иметь при себе в качестве приспешников, судей и герольдов самых просвещенных своих министров, судей и генералов, как-то господ Тугута, Питта, Бернсторфа. Сам Русский государь намерен взять с собой генералов Палена и Кутузова…

Август продолжал читать, а император время от времени кивал головой. Наконец, наступил черед последней фразы, в которой переводчик хотел обойти словосочетание «императора обвиняют» и заменить на другое:

– Не знаем, верить ли сему, однако же, известие это не кажется лишенным основания, ибо вполне соответствует поступкам, на которые императора считают способным.

– Нет-нет, – возразил Павел. – «Считать способным» – это не то. Вам следовало в точности передать слово taxer.

– Ваше Величество, – тихо спросил Август, – боюсь быть дерзким, но, если я употреблю слово «обвинять», как того

требует точный перевод, не сочтете ли вы его слишком резким?

– Вот именно, обвинять! Обвиняли! – повторил он несколько раз. – Это именно то выражение, которое мне хотелось бы донести. Они, – Павел, очевидно, имел в виду других монархов, – обвиняют меня во всем. А сами развязывают одну войну за другой. Плетут интриги! Ненасытные!

И Август прочел последнюю фразу в том виде, как приказал император. Смысл зазвучал по-другому:

– Не знаем, верить ли сему, однако же известие это не кажется лишенным основания, ибо вполне соответствует поступкам, в которых императора обвиняют.

– Прекрасно! А теперь позаботьтесь о том, чтобы эту статью поместили в газетах.

Только вечером Август Коцебу успокоился. Он выполнил свою работу и стал ждать, напечатают ли «приглашение на турнир» в различных изданиях. Когда же вызов государям спустя два дня появился в придворной газете, многие не поверили своим глазам, считая эту статью дурным розыгрышем. Даже Президент Академии Наук, к которому рукопись была доставлена для напечатания, отправился к графу Палену и лично убедился, что нет в том никакого подлога. Более того, в Москве номер газеты был задержан по распоряжению полиции, так как никому не могло прийти в голову, что вызов этот мог быть напечатан по воле государя. То же

произошло и в Риге. В Гамбургской газете данная статья появилась ровно через месяц с пометкою: «Петербург. Декабрь 1800 года».

Вызов этот, конечно же, наделал много шума.

На следующий день, после того как номер газеты вышел в свет, император пожаловал Августу фон Коцебу прекрасную табакерку, осыпанную бриллиантами, ценою в две тысячи рублей. Наверное, ни один переводчик не получал за буквальный перевод двух десятков строчек столь щедрое вознаграждение!

Поиск Отгадки. Первая Попытка. Наши дни. Москва

– Здравствуй, Лена, – Макс звонил своей бывшей жене.

Услышав знакомый, но совсем забытый голос, он немного смутился. Ей пришлось дважды повторить «слушаю», прежде чем Макс произнес свое «здравствуй»…

Необходимо было срочно поговорить с Леной. От того, как скоро Макс выяснит все о «голосе» – кто этот человек, откуда, зачем хотел видеть детектива, будет зависеть и эффективность расследования. Макс должен найти убийцу и постараться разобраться в деле этого несчастного. Теперь это *его* дело! Долг перед тем человеком и, чего скрывать, профессиональный интерес заставляли действовать немедленно.

Эта загадка захватила его. Непременно захотелось найти ответ… Конечно, не мешало бы выяснить, смогут ли родственники «голоса» оплатить расследование. «А если не смогут или не захотят платить, стоит ли возиться?» – задал себе вопрос Макс и, долго не раздумывая, сам себе ответил: «Стоит. Уж больно интересно!» Он проворочался всю ночь, подремал пару часов перед самым рассветом, утром наскоро выпил кофе и убежал в офис. Сначала связался с Андреем, сказал, что тот ему очень нужен. Но оказалось, что Андрей

и сам считал минуты («неудобно беспокоить женатого человека так рано», – сделал он ударение на слове «женатый» – подколол все-таки!), чтобы, наконец, позвонить главному детективу.

– Шеф, ты не представляешь, я только что собирался тебя набрать. Ты меня опередил.

– Что-то важное?

– Очень. У меня хорошие новости. Есть новое дело.

– У меня тоже появилось новое дело. И мне нужна твоя помощь.

– Нет, ты не понял, Макс. У меня настоящее дело!

– У меня тоже настоящее, – засмеялся тот, – приходи давай. Когда можешь прийти?

– Через час. Устроит?

– Устроит, – Макс хотел повесить трубку, но не удержался и спросил: – Ну, и что там у тебя?

– А, заинтриговал? – Андрей держал паузу, – ладно, скажу коротко. Звонил Мишель, мы ему очень нужны. И как можно скорее. Так что едем во Францию, шеф.

Макс молчал. Казалось, он тщательно обдумывал, что сказал Андрей, потом как-то неуверенно промычал в трубку: «М-м-м».

– Эй, ты чего? Не рад? – Андрей удивился, – у Мишеля вырисовывается очень увлекательное расследование. Говорит, без нас не справится. И заказчик небедный. Ты же недавно жаловался, что ничего интересного на горизонте не

происходит. И что агентству деньги нужны. Или тебя финансовая сторона не интересует?

– Да нет, очень даже интересует. Но именно сейчас у нас здесь – в Москве – появилось новое дело. Думаю, пока будем разбираться, пройдет немало времени. А сразу два расследования, да еще в разных странах, мы не потянем.

– Бывало, и три тянули.

– Бывало. Только дело делу рознь.

– Да что случилось?

– Приезжай, расскажу. И тебя послушаю, что там у нашего Мегре произошло.

Так иногда в шутку Макс называл своего французского коллегу – частного детектива Мишеля Дебре. Им приходилось работать вместе. Есть у них «свой» сыщик и в Италии. Но итальянец Алесандро – просто коллега и классный специалист, а Мишель за эти годы стал настоящим другом.

Уже пару лет они никакой совместной сыскной деятельности не вели, общались только по случаю праздников – поздравляли друг друга с Рождеством, Новым Годом, не забывали о днях рождения. От Мишеля Макс получил подарок и ко дню свадьбы – замечательную картину парижского художника и бутылку бордо. Шато Лафит. Это был очень щедрый подарок. И так как этот жест – Макс был уверен – шел от всего сердца, они с Аней приняли его с благодарностью. Конечно, он был бы рад снова поработать с Дебре. Если уж французский детектив обратился к московским коллегам (и

друзьям!), значит, намечалось очень интересное дело. Только вот… как же быть с «голосом»? Вести сразу два расследования? «Вот так всегда, – вздохнул Макс, – то ничего нет, то сразу несколько дел».

…Время близилось к девяти утра. Пора звонить Лене.

– Здравствуй, Лена.

– Макс? – она удивилась, – что-то случилось?

– Случилось.

– О господи, – она забеспокоилась, – что-то с Галиной Петровной?

Лена любила бабушку Максима. Расставаясь мирно, без сцен и дележа имущества, они и после развода поддерживали достаточно дружеские отношения. Три года назад она даже помогала устроить Галину Петровну в хорошую клинику – у той были проблемы с сердцем. Бывшие тесть и теща Макса – врачи. А теща – так, вообще, медицинское светило. Лена не пошла по родительским стопам. Она историк, преподает в университете. Что-то там пишет, какие-то научные исследования. Макс уже забыл, что она исследует, вернее, его это не особенно интересовало. Ни тогда, ни сейчас.

Он тут же попытался успокоить ее и перевести разговор в нужное русло: не хотелось обмениваться ничего не значащими фразами «как дела, как здоровье мамы, папы, бабушки» и тому подобное.

– Нет, с бабушкой все нормально, – поспешил заверить

Макс, – у меня к тебе вопрос другого рода.

– Слушаю тебя, – она все-таки была удивлена.

– Лена, недавно ты посоветовала одному человеку обратиться ко мне, помнишь об этом?

– Да, конечно. Ты говоришь о Викторе Степановиче? Это мой коллега. Ученый. А что, не нужно было советовать? – Лена спросила поспешно, как бы извиняясь. – Я просто подумала, почему нет, если ты сможешь помочь хорошему человеку… – и замолчала.

– Ты все правильно сделала. Не в этом дело.

– Так он встретился с тобой?

– Нет. Он звонил. И мы договорились о встрече. Он должен был прийти и…

– Не пришел? Странно.

– Он не дошел, Лена. – Макс чувствовал себя неуютно, – его убили.

– Что? Убили? – она вскрикнула, – я тебя не поняла… Ты сказал, Виктора Степановича убили?

– Да. Он шел ко мне на встречу. Но в подъезде его убили. Закололи ножом. Это все, что я знаю.

– В каком подъезде? – она задала этот простой вопрос с такой значимостью, как будто это был самый главный вопрос в ее жизни, – я не поняла, в каком подъезде?

– В моем, – еще раз повторил Макс. – Он шел ко мне на встречу, но мы не успели встретиться.

«Надо заставить ее сосредоточиться, так я ничего не

узнаю», – подумал он и четко проговорил:

– Лена, мне нужна твоя помощь. Расскажи мне об этом человеке. Почему ты посоветовала ему обратиться ко мне?

– А разве он тебе не рассказал?

– Если бы он рассказал мне, я бы не звонил сейчас, – Макс ждал от нее ответа, но она молчала, – понимаешь, он даже не представился. Я от тебя услышал, как его зовут.

– Может, мы говорим о разных людях? Я… не знаю. Виктор Степанович – очень интеллигентный человек. Как это, не представился? А как же вы с ним разговаривали? Как ты его называл?

Макс чуть было не закричал: «Вот так и разговаривали… Интел-ли-гентно. Называл я его «голос», и он мне ничего не сказал, не успел», но сдержался, понял, что весть об убийстве коллеги расстроила ее. Он продолжал спокойно задавать вопросы.

– Лена, я понимаю, что сообщил тебе неприятную новость. Но, пожалуйста, помоги мне. Я должен понять, кто и зачем убил этого человека. Да еще в моем доме. Мне очень важно знать, зачем он хотел меня видеть? Какой тайной поделиться? Сосредоточься, пожалуйста. Если ты посоветовала ему обратиться ко мне, значит, ты понимала, что у него серьезное дело. Ты знала, о чем он хочет со мной поговорить? Можешь ответить мне?

– Слушай, Макс, прости меня, конечно. Я невольно доставила тебе неприятности. Наверное, и полиция тебя допра-

шивала?

Она, видимо, не понимала, о чем он ее спрашивает. Макс хотел закричать: «При чем тут полиция?!», но снова сдержался и медленно, чтобы до нее, наконец, дошло, сказал:

– Лена, полиция тут ни при чем. Ты тоже совершенно ни при чем. Ты дала мой номер телефона и посоветовала Виктору Степановичу прийти ко мне. Нет проблем. Мне не за что тебя прощать. Ты хорошо сделала. Очевидно, он нуждался в моей помощи. Что-то его беспокоило. Я просто хочу знать. Первое: что он тебе рассказал? И второе: что это за человек? Расскажи о нем. Это поможет мне найти его убийцу. Пожалуйста, Лена, сосредоточься и расскажи мне все, что знаешь.

– Хорошо, я попробую. Только знаю я совсем немного.

– Я буду рад любой информации.

– В общем, так. Мы работаем вместе. Вернее, работали. В архиве. Раньше. Подожди, – она вдруг вспомнила, – ты ведь его знаешь.

– Кого?

– Виктора Степановича. Вернее, не знаешь, а видел однажды. И даже разговаривал с ним, кажется. Помнишь, еще в начале нашей совместной жизни, – Лена произнесла эту фразу очень обыденно – для нее, так же как и для него, тот факт, что они расстались, никакого сожаления не вызывал, – мы искали сведения о твоем прадеде и встретили в архиве этого человека. Ну, вспомнил?

Макс вспомнил. И, наконец, понял, что его так зацепи-

ло вчера, когда он увидел распростертое на лестничной площадке тело. А смутило его то, что телефонный гость оказался очень похож на вымышленный, вернее, «угаданный» им персонаж. Он никак не мог понять, каким образом у него получилось так точно *увидеть* этого человека. Вплоть до очков с толстыми стеклами. А, оказывается, все очень просто: Макс услышал его голос по телефону, и подсознание «вспомнило» человека, которому этот голос принадлежал. Память никаких ассоциаций и сравнений с походом в архив десятилетней давности не выдала, а вот подсознание, как всегда, сработало на пять баллов. Да, Макс видел этого мужчину раньше. Но он совершенно не помнил, ни что из себя представлял этот человек как личность, ни о чем они, вообще, тогда беседовали. Запомнился, видимо, только голос. А в нужный момент «выплыл» и его образ.

Что ж, одной загадкой меньше. Тем лучше.

– Да, я вспомнил.

Он не хотел «застревать» на этом факте. Главное – узнать, зачем Виктор Степанович искал встречи с частным детективом.

– Продолжай, Лена. Расскажи мне о твоем знакомом. Что ему от меня было нужно?

Макс, наверное, в десятый раз повторил эту фразу, но разговор никак не выруливал на волнующую его тему.

– Он преподавал на нашей кафедре лет пятнадцать назад. Потом ушел работать в архив. То есть он работал и в архиве,

и на кафедре. Когда я писала диссертацию, он помогал мне в поиске исторических документов. Что сказать о нем? Обычный человек. Интеллигентный. Приятный. Умница. Замечательный ученый. Очень отзывчивый. – Лена подыскивала слова. Но для Макса все это было *не то*. – Одинокий.

А вот этот факт очень интересный.

– Почему?

– Что, почему?

– Почему он был одинок?

– Макс, я не знаю. Мы не были с ним настолько дружны. Просто знакомые.

– Извини, я не так выразился. Я хотел тебя спросить, почему ты, когда перечисляла: умный, приятный и так далее, употребила вот это слово «одинокий»?

– Потому что он жил один. Так мне кажется.

– Ты знаешь наверняка или тебе так кажется?

– Не путай меня, пожалуйста. – Она подумала. – Да. Знаю наверняка.

– Откуда? Он сам говорил? Если да, то в каком контексте он об этом сказал?

– Нет, по-моему, специально он об этом не говорил. Просто… он такой неухоженный… – и добавила: – был… И я думала, что за ним некому ухаживать. И еще вот вспомнила: однажды он сказал, что страсть к науке заменяет ему страсть к женщине. Что наука мешает ему создать семью, мол, ни одна женщина не поймет его и не захочет быть вечно второй…

Второй после науки, – уточнила она.

– Но женщины ему нравились?

– Откуда я знаю.

– А тебе он знаков внимания не оказывал?

– Ты имеешь в виду, не флиртовал ли он со мной?

– Можно сказать и так.

– Нет, не думаю. Мы с ним спелись как историки. Ничего личного.

– А теперь расскажи мне, как он попросил тебя о помощи.

– Хорошо. Попробую вспомнить поподробнее… – она помолчала. – Он пришел на кафедру, мы с ним разговорились.

– Стоп. Он специально пришел на кафедру, чтобы тебя увидеть?

– Ну-у, – она протянула это «ну-у», и Макс вспомнил, какое трогательное становилось лицо у его бывшей жены, когда она задумывалась. В такие моменты она была похожа на девчонку: наклоняла голову, смешно растягивала слова и начинала накручивать на палец кончик волос. Он представил эту картину и улыбнулся. А Лена продолжала: – я не ду-у-умаю, что специа-а-льно… Ведь он мог и не увидеть меня в тот день.

– Хорошо. Что было дальше? Вы увиделись и…

– Сначала говорили об истории.

– О чем конкретно?

– Он интересуется восемнадцатым веком… – Лена продолжала говорить медленно.

Макс прервал ее.

– Ладно, не будем о восемнадцатом веке. Давай перейдем в век двадцать первый. Как ваш разговор перешел на мою скромную персону?

– Мы говорили о Екатерине Второй, потом о Павле Первом. Он нашел какие-то неизвестные документы.

– Лена, прошу тебя…

– Я вспоминаю, Макс. Ты же сам просишь меня вспомнить… Так… Он вдруг замолчал, снял очки и, не глядя на меня, спросил: «Леночка, однажды вы приходили в архив со своим мужем», наверное, он не знал, что мы с тобой в разводе. Знаешь, ученые все – не от мира сего, – Лена все время отвлекалась. – Потом он задал вопрос: «Скажите, ваш муж все еще работает в милиции?» Я ответила, что нет. Ты в полиции не работаешь, и ты уже давно не мой муж. Виктор Степанович очень расстроился. А я спросила, в чем дело. Тогда он мне сказал, что ему нужна юридическая помощь. Нет, он поправил: помощь милиции. Он вроде бы стал замечать, что в последнее время за ним кто-то следит. Говорил о каком-то письме или письмах.

– Каких письмах?

– Не знаю. Он не уточнил.

– И?..

– И он сказал, что боится.

– Писем? Чего он боится?

– Нет. Он нервничает из-за писем и из-за слежки. Вот я и

сообщила, что ты – частный детектив, у тебя свое агентство, и он может к тебе обратиться. Почему нет? Дала ему номер телефона, объяснила, как доехать. И добавила, что гонорар у тебя высокий, но дело свое ты знаешь и человек ты порядочный. Я ведь правильно сказала?

– Сказала ты все правильно. А дальше?

– Это все.

– Как все?

– Вот так. Он только поинтересовался, может ли он на меня сослаться как на человека, который посоветовал к тебе обратиться. Я ответила, что, безусловно, может. Мы в разводе, но претензий друг к другу не имеем и поддерживаем нормальные отношения.

– Лена, но ведь он как-то объяснил, почему за ним следили? Ни с того ни с сего за интеллигентным ученым-историком следить не будут. Что он думал по этому поводу?

– Максик, ну, прости, не было у нас никакого конкретного разговора на эту тему. Да и не восприняла я все серьезно. Если б знать, чем может эта история закончиться…

Макс расстроился. Он ожидал большего… Этот разговор, практически, ничего не дал. Нет, кое-что прояснил, конечно, но совсем немного. Кроме имени, которое все равно полиция выяснила бы, он не услышал ничего значительного. Или… Или, слушая Лену, не обратил внимания на важные факты, пропустил существенные детали? Такое может быть? Вряд ли. Надо дать ей – Лене – время, может, она еще что-

нибудь вспомнит. Так бывает: иногда важное исчезает из памяти или теряется среди мелочей и ненужных подробностей.

– Хорошо, Лена. Спасибо. И ты меня прости за беспокойство. К сожалению, тебя, видимо, еще побеспокоит полиция… Я не мог скрыть от них, что это ты посоветовала Виктору Степановичу обратиться ко мне, – Макс извинялся.

– Понимаю, – вздохнула она, – я расскажу им то же, что и тебе… Вряд ли от меня они узнают что-либо существенное. У тебя есть еще вопросы?

– Назови мне, пожалуйста, его имя, адрес и место работы.

– Сидельников Виктор Степанович. Адрес не знаю. Одно время работал в ГАРФе[14], но последние лет пять – в государственном историческом архиве.

– И сфера его профессиональных интересов была связана с историей государства Российского? Так?

– Почитай его работы. Думаю, тебе станет понятно, чем он занимался.

– Придется почитать. Хотя не думаю, что слежка и странные письма, если они на самом деле существовали, были связаны с его работой.

– А с чем?

– Да мало ли? С наследством, детьми…

– Ну какое наследство? Откуда?

– Знаешь, недавно у меня было дело, связанное с завещанием. Человек нежданно-негаданно получил наследство от

---

[14] [1] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

двоюродного дядюшки из Австралии. Дядюшка был богат и бездетен. Так что вполне себе нормальная версия.

– Я об этом не подумала. А дети? Он же одинокий.

– Это он в последнее время был одинок. А знаешь ли ты наверняка, может, лет двадцать-тридцать назад у него была жена, дети? Или какие-нибудь внебрачные дети, о которых он сам не подозревал. Разве это фантастика?

– Когда я была студенткой, он преподавал у нас на факультете. Молодой ученый, доктор наук. В сорокалетнем возрасте иметь докторскую степень – в то время это было, действительно, признанием заслуг. Сейчас вот развелось молодых докторов знаешь сколько! А задай этим, с позволения сказать, докторам вопрос не по теме диссертации, так страшно становится: вся их «умность» сводится к раздуванию щек и изложению прописных истин. – Лена снова отвлеклась. Потом спохватилась и вернулась к теме. – Так вот, Сидельников был доктор настоящий! И не был женат. Это я помню. Он был немного странный. Девчонки подшучивали над ним, флиртовали. Но ничего дальше флирта не шло.

– Но это не говорит о том, что у него не могло быть детей.

– Не говорит. Согласна. – Лена произнесла «согласна», но звучало это как «сомневаюсь». – И все-таки ты меня не убедил. Ведь профессиональная версия не исключается?

– Не исключается. Я не говорю, что такого не может быть. Просто пока считаю эту версию слабой.

– Почему?

– Лена, подумай сама… Ты предполагаешь, что его убили за некую историческую информацию (он ведь историк, соответственно, сфера его профессиональных интересов – история), которой он владел?

Макс ждал, что ответит его бывшая жена, но она молчала.

– Скажи мне, *что* могло настолько заинтересовать преступника, что он пошел на убийство? Твой Виктор Степанович, как ты сама сказала, занимался восемнадцатым веком! Во-сем-над-цатым! Возможно, он переключил свой интерес на двадцатый век? Тогда это более реально. Например, он нашел неизвестные документы, которые могли бы скомпрометировать каких-то людей? Ты ничего не слышала о том, что он поменял временные рамки, или как там у вас говорят, своих исследований?

– Лучше сказать, исторический период. Так вот, я не слышала, чтобы он серьезно занимался другим историческим периодом. Такого не было. Конечно, он человек необычайных энциклопедических знаний… был… и мог часами говорить о любом периоде в истории нашей страны. Однако предпочтения отдавал екатерининским годам. Его последние работы – о времени правления Екатерины, Павла Первого и Александра Первого. А это конец восемнадцатого – начало девятнадцатого веков.

– Может быть, тебе известны какие-то конкретные темы его исследований, которые, на твой взгляд, могли бы вызвать чей-то интерес?

– Нет, Макс, извини, мне ничего такого не известно, – Лена ответила спокойно, казалось, с сожалением, что она не может помочь.

– Ну вот. Ты тоже меня пока не убедила.

– А что, если он открыл какие-нибудь исторические тайны?

– Я подумаю над этим, – Макс ответил так лишь для того, чтобы не развивать дальше эту тему. На самом деле, он слабо верил в такую возможность. То есть Виктор Степанович, конечно же, мог обнаружить какие-либо секреты в истории нашей страны, но чтобы за это его убили? Неубедительно!

– А что еще может быть? – снова поинтересовалась Лена.

– Много чего может быть. – Пора заканчивать разговор. – Лена, прошу тебя, если ты что-нибудь вспомнишь, позвони мне, пожалуйста. Даже что-то незначительное, но необычное. Все может быть важно.

– Хорошо, я позвоню. Хотя и не думаю, что вспомню что-то новое.

– Все равно, спасибо тебе.

– Макс… – она помолчала.

– Да.

– Как ты живешь? Скажи пару слов.

– Нормально. Я женился, Лена.

– Правда? Поздравляю. И кто она?

– Женщина…

Макс не знал, что ответить. Кто она? Что за вопрос. Лю-

бимая! Самая лучшая! Его Жена! Но разве можно так сказать другой женщине? Пусть даже бывшей! И не важно, что они в разводе и что без скандала… Как же ответить правдиво и не обидеть? Но Лена заговорила первая.

– И я замужем. И еще я стала мамой.

– У тебя ребенок?

– Два.

– Неужели близнецы?

– Нет, – она засмеялась, – один – мой, а второй, вернее, вторая, – она уточнила, – девочка – дочка мужа. Но у нас она бывает часто. А у меня сын. Антошка. Ему скоро год.

– Я очень рад за тебя, – Макс сказал это искренне, ему, действительно, было приятно услышать, что у бывшей жены все в порядке. – Я желаю тебе счастья, Лена. И всегда желал.

– Я знаю. И я желаю тебе счастья. Ты заслуживаешь, – и без всякого перехода: – я обещаю, если вспомню что-то важное, позвоню. А ты найди его, Макс. Этого убийцу. Виктор Степаныч был хорошим человеком. Очень его жаль, – и помолчав, попрощалась: – до свидания, мой бывший муж.

– До свидания, моя бывшая жена, – усмехнулся Макс.

Их разговор длился долго. Макс устал. Он, вообще, не любил обсуждать серьезные темы по телефону, но у него не было выбора. Ой ли?

Омский лукавил. Выбор есть всегда. Вполне можно было позвонить Лене и договориться о встрече. Всегда легче разговаривать, когда видишь глаза собеседника. Можно уловить

какие-то нюансы, задать наводящие вопросы. Неправильно он поступил. Просто… Просто он подумал, если есть необходимость встретиться с бывшей женой (даже по делу!), нужно поставить в известность Аню, а, значит, объяснять, зачем и почему. Лишние вопросы, лишние объяснения. Макс не желал посвящать жену в эту историю. Но, видимо, не отвертеться. Он чувствовал, что это не последний разговор с Леной.

Да, беседа с бывшей женой его не удовлетворила. И дело было не в Лене. Она-то как раз старалась отвечать правдиво и полно на его вопросы. Дело было в нем. Он непрофессионально подошел к этому разговору, не подготовился. Чувств к бывшей жене у него никаких не было, с этой стороны его ничего не смущало. Но вот сама беседа, увы, прошла не на высоте. «Теряешь квалификацию, Макс», – подумал он. Эту невеселую мысль не позволил развить звонок в дверь.

Пришел Андрей. Вместо приветствия Макс указал на связку ключей:

– Я приготовил тебе ключи, так что можешь приходить без предварительного со мной согласования. И нужно оставить связку для Вовчика.

Это был их новый помощник, студент последнего курса юрфака. Уже два года Володя помогал сыщикам: начал подрабатывать «мальчиком на посылках» и постепенно дорос до самого настоящего юридического консультанта. Специализируясь на уголовном праве, он хорошо ориентировался и в

других отраслях права, мог быстро и точно указать, на какую статью сослаться, в какое заведение обратиться и, главное, *к кому* обратиться. После окончания института собирался работать следователем. А у Омского, по его собственному выражению, «набивал руку». Помощником своим Макс и Андрей были довольны, во всем ему доверяли. И пока что Володя не разочаровал сыщицкий тандем.

– Привет, что ли. Кофе будешь?

– Естес-сно. Как же без кофе… А я булочки принес, – Андрей стал выгружать французские булочки. – У тебя же в офисе подкрепиться нечем.

– Тебя накормишь…

Макс всегда удивлялся тому, сколько Андрюха может съесть. Но самое интересное, что при бесконечном его перекусе он умудрялся оставаться стройным. Максим же после появления в его жизни Анечки заметно округлился. Нет, он не был полным, но ежедневные вкусности, которыми баловала его жена, отложили видимый след на боках. Так что булочки он решил оставить Андрею.

– Идем на кухню. Я сгораю от нетерпения! Что же случилось у нашего друга Мишеля? Рассказывай.

– Заинтересовал, все-таки. А поначалу ты вроде как проигнорировал мое сообщение. У тебя ведь тоже есть новости для меня?

– Есть. Кто первый начинает? – спросил Макс.

– Если ты будешь столь любезен и дашь мне возможность

перекусить, то предлагаю начать тебе, я послушаю. – Андрей разлил кофе по чашкам, – идет?

– Хорошо. Итак, mon cher ami, приготовься слушать. Вчера у меня в подъезде убили человека. – Макс выразительно посмотрел на Андрея.

Но тот продолжал жевать, скорчив гримасу.

– Это, конечно, трагедия для родственников убитого, но при чем тут ты?

– Человек шел ко мне. Мы договорились о встрече. Но, понимаешь, он не дошел. Кто-то подсуетился и не позволил ему со мной увидеться.

– Ого! Вот это уже интересно. – Андрей даже жевать перестал, – а дальше?

– Да ты ешь, ешь. И слушай. – И Макс рассказал подробно о вчерашнем «голосе», о следователе, который усомнился в его – Макса – честности, разговоре с Леной, своих размышлениях по поводу этой истории и закончил: – Так что предстоит сложная работа. Я просто обязан выяснить, кто и почему его убил. И зачем он спешил ко мне.

– Ты не обязан. Это дело полиции. Но я тебя понимаю. Говори, что от меня нужно, я подключаюсь.

– Я к тому, что расследование предстоит хлопотное и, возможно… – Макс мысленно чертыхнулся, – не обеспеченное материальными благами. Не буду выражаться высокопарно о том, что это мой долг, но на самом деле так оно и есть. К тому же в голове уже процесс пошел, и я не успокоюсь, пока

не дойду до конца. Ты не обязан мне помогать…

– У-ля-ля… – усмехнулся Андрей, – шеф у нас благороден…

– Ты не иронизируй. Я, действительно, не знаю, как буду оплачивать твою работу по этому делу. Из нашего общего фонда, может быть. Но там совсем немного денег.

– Макс, есть один минус в твоей женитьбе. Один. Но очень существенный.

– Не понял. Какой минус?

– Ты поглупел.

– Ну, знаешь, – Макс захохотал, – я слишком много дал тебе свободы. А ты, пользуясь моим добрым к тебе отношением, наглеешь. И хамишь.

– Разве я наглею? Это ты плохо обо мне думаешь. После стольких лет совместной работы! Ты платишь мне зарплату – раз. Бесплатно поишь супервкусным кофе – два. Разрешаешь пользоваться твоей машиной, даже в личных целях – три. Ключи вот от офиса дал…

Они оба рассмеялись. Все-таки Максу очень повезло с Андреем!

– Теперь твоя очередь. Рассказывай, – Максим отставил пустую чашку и приготовился слушать.

– Значится, так…

Дожевав последний кусок от третьей булочки и завернув оставшиеся пять в пакет (еще не вечер!), удобно расположившись и наслаждаясь игрой в детективов, понятной им

обоим, начал рассказывать:

– У Мишеля появился интересный клиент с совершенно необычным и деликатным делом. Он – клиент – вдруг засомневался, что его жена – это его настоящая жена.

Макс открыл рот, протянув протяжно: «О-о…»

– Не понял. Ты хочешь сказать, что муж сомневается, что его жена – это его жена? Я тебя правильно «перевел»?

– Угу.

– Да, бывают, конечно, разные истории, разные семьи. Но мы здесь при чем?

– Это русская семья. Или, лучше сказать, с русскими корнями.

– Так… – заявил категорично Макс, – если дело идет о так называемых «новых русских», то я даже слушать о них не хочу. Браться за дело не буду. Хватит нам прошлогодней истории с этим идиотом олигархом. Меня чуть не убили тогда. А их менталитет и комплексы у меня вызывают рвотный рефлекс.

– Нет, это не новые олигархи. Эти – настоящие французы. Родились во Франции. Но у них бабушки-дедушки русские. И они хранят семейные традиции, ходят в русскую церковь, православные. В семье говорят по-русски. Мама жены – так вообще то ли княгиня, то ли графиня. Это я не совсем понял, но мы все уточним позже, если будет нужно. – Андрей держал интригу. Помолчал.

– Ну и? Что дальше-то? Рассказывай, не тяни.

– Так вот. Муж обратился к Мишелю…

– А как он на него вышел? – прервал Макс.

– Через знакомого епископа или русского священника. Он нам все потом подробно изложит… Так вот, муж обратился к нему с очень деликатной и конфиденциальной проблемой. С какого-то момента он стал замечать, что его жена очень изменилась. Это проявляется во многом. Хотя никто, кроме него, этих изменений не замечает.

– А он, вообще-то, нормальный? Я спрашиваю, муж – нормальный? Не псих?

– Я задал точно такой же вопрос Мишелю. И тот ответил, что не сомневается в его адекватности. Муж объяснил, что жена долго болела (они были готовы к самому худшему), но после лечения у одного, как бы это сказать, доктора нетрадиционной медицины, она «вернулась к жизни». Болезнь отступила. Но с ней стали происходить странные вещи. Вот такая интересная история.

– Я так думаю, что это не к нам, это к врачам, Андрюша. Что нам расследовать? Какова причина душевных… изменений? Этим пусть занимаются психиатры. Или церковь. Кому что больше нравится.

– Макс, не спеши делать выводы. Мишель – умный человек. Если бы он видел, что дело только в психических или, как ты говоришь, душевных изменениях, он бы не просил нашей помощи. Есть что-то очень необычное в этой истории. Много моментов, которые его очень смущают. Мишель счи-

тает, что у клиента, то есть мужа, есть *основания* сомневаться. После тщательного изучения дела он сказал клиенту, что сам не справится, ему нужна помощь русских детективов – нас с тобой, – и тот не возражает подключить нас к расследованию. Естественно, все расходы будут оплачены, и гонорар свой мы получим. Единственная просьба – конфиденциальность. Так что надо ехать во Францию.

– В Париж?

– Нет. И это еще одна удивительная и приятная новость. Семья живет на Корсике.

– Ух, ты! Корсиканские страсти… – Макс вздохнул и добавил: – Андрюха, ты прости, но я пока не готов ответить положительно…

Андрей не стал возражать. В конце концов, Омский – начальник, ему видней. К тому же он хорошо знал своего шефа – тому нужно было время, чтобы принять решение. А еще Андрей готов был чем угодно поклясться, что Макс заинтересуется корсиканским делом. Шеф – настоящий профи, он не может просто так пройти мимо интересного расследования. Конечно, убийством этого несчастного тоже нужно заниматься. Андрей уже знал, чем может помочь.

Первое. Надо изучить последние публикации Сидельникова и посмотреть, нет ли чего-нибудь необычного в его работах. Второе. Он пойдет в архив, где работал ученый и наведет там все необходимые справки.

Вовчика нужно отправить опросить соседей, бабушек-де-

душек во дворе (вряд ли в это время кто-то гулял – августовская жара изнуряет; особенно тяжело старикам, но мало ли?). Возможно, кто-то что-то видел в окно, кто-то гулял с детьми и обратил внимание на незнакомых людей: на самого Сидельникова и того, кто шел за ним. Вовчик обаятельный, говорить с людьми умеет, располагает к беседе, так что эта работа – именно для него. Правда, Вовчик сейчас в отпуске. Придется вызывать в Москву, если без него не справятся.

А Макс пусть разбирается с полицией. У него это лучше получается. Пусть подключает свои связи, чтобы узнать нужную информацию. Если следак с самого начала был не расположен к совместной работе, то ждать от него известий о том, как идет расследование, не стоит. Идти надо выше, в главное управление. А там у Омского есть друзья.

Андрей так и сказал Максу: если тот не будет возражать, он займется архивом и научными работами ученого, Вовчик будет проводить оперативно-розыскные мероприятия, а Максу достанется самое «легкое» – полиция и криминалисты.

Шеф не возражал.

И в этот момент телефон разразился знаменитой аккордеонной мелодией «Sous le ciel de Paris». Макс понял, что звонит Мишель. «Сейчас будут меня уговаривать», – подумал он и не ошибся.

Надо сказать, что французский язык у Андрюхи был безупречным. Раскатывая грассированное «р», тот свободно

вел беседу, чему-то удивлялся и обещал (это Макс понял) поговорить со своим начальником (по-французски, его – Макса – статус назывался «patron». И слово «патрон» он услышал за время беседы не раз). Все понятно: Андрей подключил «тяжелую артиллерию»! Сейчас протянет трубку Максу и тому ничего не останется, как пообещать Мишелю помочь. Только он об этом подумал, как Андрей протянул трубку и, улыбаясь, сказал:

– Тебя. Мишель хочет поговорить.

– Я уже понял, – покачивая головой и вздыхая, взял трубку. – Hi, my friend! How are you? – Макс продолжил разговор по-английски.

Андрей слушал, не перебивая. Он знал, о чем идет беседа. Мишель убеждал Макса помочь в расследовании. Приводил аргументы, против которых шеф не сможет возразить, а именно: фантастическая история и такой же гонорар!

Осталось немного подождать…

Макс попрощался с Мишелем, нажал на отбой и показал Андрею кулак.

– Зараза ты все-таки. Знал ведь, что не смогу ответить отказом. – Он потер рукой затылок, что говорило о раздумьях. – Я поступлю умно! Поедешь на Корсику один. И будешь сам доказывать французам, что ты Эркюль Пуаро! Езжай и разбирайся, кто у них настоящий, кто ненастоящий. Жена или муж. Покупай билет и лети. Но прежде ты должен выполнить то, что пообещал. Завтра же предоставишь

мне отчет по Сидельникову. Понял? Потом можешь лететь на остров красоты. Договорились?

– Все будет сделано, шеф. Я побежал.

– Булочки забери.

– Да ладно, я еще вечером зайду, – и уже у самой двери: – а на какое число брать билет?

– Да хоть на завтра. Если уверен, что за сегодняшний день все, что мы наметили по убийству, выполнишь, я тебя отпускаю.

– Мерси боку. Спасибо, Макс, – и добавил: – может, все-таки два билета брать?

– Я тебя сейчас поколочу, – Макс взял со стола разделочную доску и двинулся к двери. – Один билет, я сказал. Если нужно будет, я потом прилечу. На этот раз понял? Или мне объяснить более убедительно? – он шутливо замахнулся доской.

– На этот раз все понял. До вечера.

И Андрей убежал, не дожидаясь лифта и переступая через ступеньку. А Макс принялся звонить участковому, который приезжал вчера на место преступления. У них сложились нормальные отношения, поэтому не будет проблем выяснить, какие новости у полиции по вчерашнему убийству. Если будут сложности, придется подключать Красавина – подполковника главного управления МВД, высочайшего профессионала и хорошего человека.

Поиск Отгадки. Причудливая логика Абсурда. Наши дни. Корсика

«Солнце. Воздух. Бирюзовое море. Скалы. Дикие леса. Чистые озера. Ореховые рощи и высокие сосны. Эвкалипты и виноградники. Горные реки, полные форели. Ослепительно белые склоны гор. Пляжи золотого песка и дюны с редкими растениями. Мистические утесы. Все это – Корсика! А еще – дольмены и каменные статуи, генуэзские крепости и береговые башни, готические мосты и барочные церкви с прекрасными фресками…

Аяччо – город, основанный генуэзцами, в котором родился Наполеон. Бонифачо – город, где, согласно легенде, останавливался Одиссей, Кальви – родина Христофора Колумба… Даже если факт рождения знаменитого путешественника в городе Кальви вызывает сомнение, остров так красив, а корсиканцы столь убедительны в этом своем утверждении, что веришь и в Колумба, и в Одиссея, и во все легенды сразу.

В тысяча семьсот шестьдесят восьмом году Республика Генуя передала остров Франции, и через год Корсика становится французской. В том же году в Аяччо на свет появляется Наполеон, и судьба Корсики навечно сплетается с судьбой Франции. Еще через тридцать лет великий корсиканец пред-

ложит российскому императору «изменить лицо земли», заключив с ним не только мир, но и военный союз, и русский государь ответит Бонапарту согласием. В ответном письме он напишет: «Постараемся вместе возвратить миру спокойствие и тишину, в коих он так нуждается…» Союз этот мог бы изменить мир. Но планам двух великих людей не суждено было сбыться. «Они промахнулись по мне в Париже, но попали в меня в Петербурге!» – скажет Наполеон после убийства Павла Первого – русского императора.

А еще через десять лет французские войска под предводительством генерала Бонапарта войдут в Россию, начнется война, которую русские назовут Отечественной. Так судьба Корсики переплелась и с судьбой России…»

Рита не могла сосредоточиться на своей книге. Уже несколько дней она пыталась написать хотя бы главу, но у нее мало что получалось: как только она садилась за компьютер, мысли рассеивались, вновь и вновь возвращаясь в этот дом на скале, к людям, которые живут здесь и которых она успела полюбить: *сыну* Сереже, *мужу* Андре, няне Елизавете Петровне и неизвестной, но, как оказалось, такой близкой Алисе.

И чем дальше она погружалась в новую жизнь, тем меньше ей хотелось от нее отказываться. Еще неделю назад Рита раздумывала, как убедить Андре, что он ошибается и на самом деле она – не Алиса. Еще недавно совесть мучила ее оттого, что она наслаждается любовью, которая предназначена

другой женщине. Но сегодня Рита беспокоится об ином: как продлить это блаженство и сохранить в тайне свое настоящее имя. Она гонит прочь мысли о том, что такая ситуация не может длиться вечно, вернется настоящая Алис (а Рита не сомневалась в этом!) и ее – самозванку – с позором выбросят из этого дома. Рита думает об этом постоянно. Думает и пытается *объяснить* все, что с ней происходит…

Три часа пополудни. Рита набросила легкий прозрачный жакет, подкрасила губы, заколола копну волос (она пользовалась вещами Алисы как своими: у них был одинаковый размер и, что самое удивительное, одинаковый вкус! Еще одна загадка!) и пошла гулять по живописным улочкам деревушки и дальше – по лесной тропе к ручью. Она могла бы взять машину и поехать кататься. До Аяччо каких-то километров пятнадцать. Правда, ехать надо по узким горным дорогам, и Рита немного паниковала, садясь за руль. От Аяччо она могла бы спуститься к маленькому порту Проприано, который расположен в заливе Валинко, полюбоваться яхтами и катерами (в воскресенье они с Андре колесили по заливу, потом брели по пешеходной тропе к знаменитым мегалитам и пещерам Филитосы), поехать на пляж. Но ей доставляло удовольствие ходить пешком по этому затерянному в лесах и горах месту, дикому и невероятно красивому. К тому же ей хорошо думалось, когда она бродила по этим тропинкам.

Пару километров – и она выйдет к спрятавшейся среди эвкалиптов и кипарисов деревеньке с маленьким ресторан-

чиком. Она остановится и выпьет кофе у мадам с трудновыговариваемой фамилией Берлингьери. Кафе в три часа дня, конечно же, закрыто – это время сиесты! Но закрыто для жителей близлежащих домов и редких туристов, забредающих иногда в этот дикий уголок. Но вот для мадам Алис Де Морни Доминика Берлингьери всегда делает исключение. Рита (то есть Алиса) с удовольствием поболтает с хозяйкой ресторана о рецептах новых блюд, бестолковых мужьях, непослушных детях, попросит еще чашечку невероятно вкусного кофе и выслушает корсиканские новости. Очевидно, настоящая Алиса часто ходила сюда, и между женщинами установились приятельские отношения.

Эта новая реальность полностью захватила ее. Все было необычно, интересно, удивительно. Нельзя сказать, что ее прежняя жизнь была неинтересной. Нет. Рита любила свою работу, много путешествовала, общалась с людьми, писала книги. Она любила свою подмосковную квартиру, тихую, уютную комнату окнами во двор, вечерние посиделки с мамой – самой замечательной мамой на свете. Она любила шумную Москву, поездки с немцами, французами, швейцарцами по стране, рассказы о России, ее культуре, истории, природных богатствах. Но эта – корсиканская – жизнь ей тоже очень нравилась.

Особенно ей нравилась роль жены и мамы. Нет, не роль! Ей было приятно *быть* женой и мамой! Естественно, раньше у нее были близкие отношения с мужчинами. Даже по-

пытка совместной жизни (казалось, что это любовь) в течение двух месяцев! Но все это было не то. Суета, взаимные упреки, неспособность принять разность друг друга. Она решила, что не создана для семейной жизни и совершенно не страдала оттого, что одинока. Расстраивало ее лишь одно – отсутствие детей. Ей почти сорок. Двадцать лет назад у нее была возможность стать мамой, но она поступила по-другому. И жалела об этом все эти годы… И вот теперь у нее появились и сын, и муж.

Сегодняшние ее чувства совершенно не похожи на те – прежние! Они другие. Радостные, трепетные, сильные, яркие… Андре открыл в ней тайники, о которых Рита не подозревала: в ней столько страсти! И ее страсть гармонично сочетается с невероятной нежностью, а жажда наслаждения – с желанием отдавать. Может, это и есть любовь? Наверное… Но, однозначно, – это счастье! И Андре чувствовал себя счастливым. Он бесконечно удивлялся, шутил, что не узнает свою жену (еще бы!), но он был счастлив… Счастлив с Ритой. Она не могла ошибаться.

Понимая, что однажды все это может закончиться, Рита приходила в отчаяние. И чтобы смягчить развязку и объяснить (хотя бы для себя самой), что означает такая перемена в ее судьбе, она начала свое *маленькое расследование*.

Если раньше она считала, что ее появление здесь – мистическая случайность, то теперь она уверена, что в этом была чья-то воля. Однако… злая это воля или добрая?.. Как она

здесь очутилась? Почему? Кто «помог» ей? Ведь не сама же она пришла в этот дом на Корсике, где живет похожая на нее женщина и где говорят по-русски? У нее было множество вопросов и не было ответов. Загадки без отгадок.

Что случилось с настоящей Алисой? Где она сейчас? Рите казалось, если она ответит на эти вопросы, то остальное решится само собой. Предчувствие – мистика какая-то! – говорило ей, что та женщина жива. Рита ее *чувствовала*! Но если она жива, тогда в чем же смысл этой подмены? Кому это нужно?

В самом имени *Алиса* заложена тайна. То ли математический ум Кэрролла навсегда связал это имя с чудесами, парадоксами и загадками. То ли в сочетании звуков, складывающих слово А-Л-И-С-А, заложен скрытый смысл и просматривается связь со словом А-Л-Л-Ю-З-И-Я[15], а это не что иное, как отчетливый намек на разгадку. То ли в этом имени прослеживается явное указание ей – Рите – на ту сторону зеркала (*Зазеркалье*), место, где все доведено до абсурда.

Да! Она нашла слово, которое характеризует ее теперешнее положение – *абсурд*. Но в этом абсурде есть своя причудливая логика. Такая же, как у героини сказки Доджсона[16] – писателя, философа, математика, логика и поэта. Рите нужно еще совсем немного времени, и она соберет пазл. Она на

---

[15] 1 Аллюзия – от лат. *Allusio* «намек, шутка».

[16] 2 Чарльз Доджсон, писавший под псевдонимом Льюис Кэрролл, – создатель сказок «Приключения Алисы в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

верном пути. Пока не хватает отдельных элементов. Но важный элемент – *имя* – она нашла.

Кстати, у Алисы есть еще одно имя – Алевтина. Оказывается, ее крестили в Ницце по православному обряду спустя пять месяцев после рождения: двадцать девятого июля. Среди имен в церковном календаре значилась Алевтина. АЛИСА-АЛЕВТИНА… АЛЛЮЗИЯ… Теперь Рита понимает, почему иногда Андре обращается к ней по имени Аля. Раньше она думала, что это такое странное сокращение от Алисы. Но теперь она знает, что Аля – это Алевтина.

У них – Риты и Алисы – разные имена, но незримая связь все равно присутствует. Мама рассказывала, как спустя пять месяцев после ее рождения, она в тайне ото всех и даже от папы (папа был идейным коммунистом) покрестила ее в Успенском храме Новодевичьего монастыря. И было это тридцатого июля! Почти день в день с Алисой. (Тогда в святцах не было имени Маргарита; она при крещении получила имя Марина. Но с двухтысячного года, когда православная церковь канонизировала двух новомучениц-монахинь, день тридцатого июля стал именинами Маргариты.)

Как могло произойти, что две разные женщины в разных странах почти в один и тот же день решили крестить своих дочерей? И еще. У них не совпадает день рождения и место рождения. Но несовпадения эти незначительные. Рита родилась двадцать восьмого февраля (хорошо, что не двадцать девятого!) в Москве, а Алиса – второго марта в Париже. Так,

во всяком случае, значится в ее документах. Она появилась на свет спустя три дня (тот год был високосным) после рождения Риты. Мистика какая-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.